

Сергей Панченко

Я СТИРАЮ
СВОЮ
ТЕНЬ 4

ИДДК

Сергей Анатольевич Панченко
Я стираю свою тень. Книга 4
Серия «Я стираю свою тень», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70065109

Аннотация

Сложно оставаться образцовой семьей, когда за ней тянется кармический шлейф испытаний. Гордей и Айрис стали родителями и вроде бы этого достаточно, чтобы ощутить всю полноту жизни, но нет, приключения не оставляют их неугомонные задницы в покое.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	44
Глава 4	61
Глава 5	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сергей Панченко

Я стираю свою тень. Книга 4

© Панченко Сергей

© ИДДК

Глава 1

Мы долго не решались пройти УЗИ, до последнего не хотели знать пол нашего ребёнка, но врач из женской консультации решила, что мы с Айрис какие-нибудь сектанты, идейно не принимающие человеческие блага. Припозорила нас так, что было слышно в коридоре. Даже моя супруга, привычная к критике, покраснела и промолчала, смущённо опустив глаза. Мы попытались невнятно объяснить ей, что не хотим знать пол ребёнка, чтобы сделать себе сюрприз в день его рождения.

– Стишок Пушкина помните? – спросила врач с лёгкой ухмылкой. – Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку.

– Я помню, но на вашем месте я бы не рассказывал его молодым мамочкам. У них и без того гормональные всплески.

– А что вы мне тут старообрядцев корчите? С виду современные молодые люди, а строите из себя колхоз. Ложись на кушетку. – повелительно кивнула моей супруге врач. – Странное имя у вас. Родители точно не сектанты?

– Как сказать. – Айрис легла на кушетку. – Мама у меня хиппи, а отец... О нём я немного знаю.

– Задери майку, – приказала врач и взяла в руки датчик УЗИ. – Ого, как пупок торчит.

– Это нормально? – забеспокоился я.

– Нормально. Была бы жирненькая, не торчал бы так.

Врач помазала живот Айрис прозрачной мазью и повредила датчиком, глядя на экран монитора. Я тоже смотрел туда и не видел ничего понятного. Какие-то чёрно-белые разводы, похожие на динамический тест Роршарха. Бросил взгляд на врача и заметил, что она нахмурилась.

– Всё нормально? – поинтересовался я, чувствуя непроизвольно начинающееся волнение. Вдруг мы с Айрис настолько далеки друг от друга в генетическом плане, что не способны дать нормальное потомство?

– Аппарат, что ли, сломался? – Она постучала датчиком по ладони и снова приложила к животу Айрис. – Не просвечивает. Ерунда какая-то. Один момент.

Ничуть не смущаясь, она расстегнула свой халат, задрала блузку, зафиксировав её зубами, и поводила по своему животу.

– Чудеса. У меня всё работает. Вот кишочки, маточка, всё на месте. Слава богу, не беременна.

И тут мы с Айрис поняли свою промашку. Мы уже настолько дистанцировались от того, что в нас есть какие-то модификации, что забыли о них. Под кожей у неё был вживлён материал, способный отразить пулю и, вероятно, он не давал ультразвуку проникнуть глубже. Хорошо ещё, что он растягивался вместе с растущим животом Айрис.

– Это, наверное, после аварии, – соврала Айрис. – Ткань зарубцевалась как попало.

– Не врите мне, никаких следов аварии нет. Из такой кожи только барабаны делать, – не поверила врач. – Что это такое у тебя в животе? Вдруг кесарить придётся?

– Я вам расскажу. – Айрис поднялась и села, свесив ноги с кушетки. – Дайте салфетку.

Врач протянула ей несколько тканевых салфеток.

– Только вам придётся держать язык за зубами. Умеете молчать?

– Хм, точно сектанты. Вшила себе что-то?

– Я не с Земли, – произнесла Айрис и впилась взглядом во врача, чтобы заметить её реакцию.

Женщина усмехнулась, оценив признание супруги как сумасбродство.

– Как я сразу не догадалась, что вы чокнулись на каком-то литературном источнике? Что с твоим животом, деточка? Нам надо знать на случай, если у тебя не будет нормальной родовой деятельности. Какой сюрприз там ждёт хирурга?

– Скальпель не проникнет глубже кожи, как ни старайтесь. В земных условиях от того, что у меня под кожей, не избавиться. Так что будем надеяться на нормальные роды. – Айрис бросила взгляд на хирургические инструменты, выложенные в рядок рядом с аппаратом УЗИ. Потянулась и взяла в руки предмет, похожий на долото, только полностью металлический. Врач испуганно посмотрела на неё.

– Металл? – спросила Айрис.

– Да, хирургический, нержавеющей, медицинская сталь.

Очень твёрдый.

Айрис взяла «долото» двумя руками и сломала его без особых усилий. Демонстрация способностей обычно избавляла от долгих убеждений. Врача одолел ступор. Она несколько раз переводила взгляд с рук моей жены, державших сломанный инструмент, на её лицо, и не могла вымолвить ни слова.

– Это немецкий инструмент. Он стоит больше пятнадцати тысяч, – наконец произнесла она.

– Мы вам компенсируем, – быстро нашёлся я. – А ещё доплатим вам, чтобы вы сделали нам нормальное заключение и не болтали о том, что видели. Идёт?

– Меня хирург прикончит этими обломками. – вытерла выступивший на лбу пот врач.

– Сколько? – Я постарался перевести разговор в конструктивное русло.

– В смысле?

– Мы компенсируем вам материальные и моральные расходы. Назовите сумму. – Мне было приятно выступить в роли богача, сорящего деньгами. Камила периодически делилась с нами своими нетрудовыми доходами.

Врач смутилась. В ней начали борьбу два основных психотипа, уживающиеся в одном человеке, порядочного обиженки и прагматичного меркантила.

– Тридцать, – озвучила она компромиссную сумму и посмотрела на нас с неуверенностью, будто замахнулась на

недостижимую величину.

— Мы заплатим вам сто. — Айрис легко спрыгнула с кушетки. — Но вы обещайте нам не распространяться о нашем случае. Всё-таки мы очутились на этой планете не просто так. Прячемся от космических гангстеров, своих бывших нанимателей. Они не оставляют в живых свидетелей.

— Конечно, конечно. Я понимаю вас, — затараторила врач, готовая за предложенную сумму терпеть любой секрет. — По ошибке приняла вас за сектантов, а вы... вон кто... — Она не нашла подходящих слов описать нас.

— Спасибо, — поблагодарил я женщину. — Вам переводом или наличкой?

— Наличкой, если можно. Не хочу, чтобы следы оставались.

К счастью, у меня имелась необходимая сумма. Мы тоже иногда переживали, что Камила даст маху и засветит движение виртуальных денег, поэтому периодически снимали их и держали в бумаге. Я отсчитал сотню из пухлого кошелька и протянул пачку врачу. Она открыла ящик стола и показала взглядом убрать наличность туда. Я сунул их между стопкой бумаг и медицинских масок. Видимо, кое-какой опыт взыскания у нашего доктора имелся. Хотя как можно зарабатывать на УЗИ — мне было неясно. Подделывать результаты в угоду клиенту? Смешно и бесполезно. Но я был человеком некоммерческого склада ума, поэтому не особо циклился на этом.

– Не переживайте, у нас всё будет хорошо, – успокоила её Айрис. – Наши организмы абсолютно здоровы, благодаря использованию медицинских капсул.

– Замечательно. Хотя здоровых людей не бывает, бывают только недообследованные. – Врач любезно приоткрыла нам дверь.

– Всего хорошего, – откланялся я.

– Удачных родов, – напутствовала она напоследок.

Мы с Айрис вышли на улицу. Пока были на приёме, начался снег. Ветер стих. Крупные снежинки падали отвесно, бесшумно, скрадывая звуки города. Прекрасный уютный миг погоды, которым хотелось наслаждаться. Мы пошли домой пешком.

– Зачем ты ей рассказала? – поинтересовался я у супруги недавней историей с врачом.

– Не знаю. Захотелось вдруг поделиться с кем-то своим происхождением. Увидеть её реакцию. Иногда ловлю себя на мысли, что сложно прикидываться тем, за кого тебя принимают. Я ведь из космоса, из такого далёка, что астрономы были бы в шоке от расстояний. А на меня смотрят как на очередную беременную бабу.

– Была бы врач мужиком, может быть, и смотрел бы иначе. Ты у меня фантастически красивая, Аэлита и Гианэя нервно курят в сторонке. Даже с таким бронезивотиком.

Айрис рассмеялась. Слепила снежок и бросила в меня. Естественно, она не могла промахнуться. Я бросил в неё

снежком в ответ правой рукой, которая отросла заново и не имела модификаций, и промахнулся. Она рассмеялась ещё сильнее.

– Грешно смеяться над неполноценным человеком, – в шутку упрекнул её я. – Вот смоюсь опять в космос, такую модификацию себе поставлю, Супермен от зависти сдохнет.

– А мне нравится, что у тебя есть хоть что-то настоящее, человеческое. Ты становишься таким милым, когда похож на себя прежнего.

– Фу, не напоминай мне обо мне. Я таким сюсей-масюсей был, что блевать тянет.

– Это же здорово – меняться, оставаясь собой. Если ты комплексуешь без синтетических дополнений, то являешься не собой, а приложением к механизмам.

– С ними спокойнее. Физическая сила, острый ум и мгновенная реакция позволяют мне не думать о том, что произойдёт, если я вдруг попаду в неприятную ситуацию, в которой будет иметь значение умение драться. Я же как не был задирой, так им и не стал. Зато мой уверенный взгляд отбивает у всякой шпаны желание дерзить. Вон вчера подрезал нечаянно одного на «Приоре», он тормознул и собрался всей компанией, что сидела в его машине, проучить меня. Я вышел, посмотрел на них, как на будущих жертв, они сели назад в машину и уехали. Здорово же?

– Ты мне не рассказывал.

– А чего рассказывать? Тебе сейчас нельзя волноваться.

– Мой могучий герой!

Айрис подошла ко мне, одной рукой обняла по-хозяйски, второй сняла с головы шапку и поцеловала в голову. Проходившая мимо нас пожилая женщина с сумками закатила под лоб глаза. Наши игры показались ей неуместными.

– Пугаешь народ своей непосредственностью. – Я вырвался из плотных объятий супруги и водрузил шапку на место.

– Сами виноваты, радоваться не умеют. – Айрис взяла в варежки пригоршню снега и приложила к лицу. – Как это здорово! Знаешь, Гордей, – она облизала тающий снег, стекающий к губам, – у меня есть огромное желание стать министром культуры твоей страны. Надо прекращать это уныние. Беременной бабе неоткуда почерпнуть радости, одна тоска по всем каналам.

– Нашей страны, – поправил я её. – Идея хорошая, но ты представь, какой гадюшник в этом министерстве. Богема не может жить без склок.

– А я бы устроила им там такую дисциплину, что Джанбоб аплодировал бы стоя. Тьфу-тьфу-тьфу, не к добру вспомнила.

– Ты совсем стала местной, суеверной.

– Станешь тут, когда в каждом сериале люди по приметам живут, а не по уму.

– И какие новшества ты бы ввела, чтобы развеселить народ? – поинтересовался я.

– Я бы сделала информационную передачу с двумя веду-

щими. Один рассказывал бы плохие новости, а второй хорошие. И к концу выпуска у плохого появлялись бы мешки под глазами, отёчный вид, хриплый голос, засаленные волосы, а у второго всё становилось бы только лучше, румянец на щеках, горящие глаза. Первого уносили бы врачи, а второй заканчивал выпуск в маске, очках и на лыжах. Класс?

– Здорово и справедливо, но очень новаторски. Народ не сразу бы принял. Хорошие новости, это когда убили не тебя, а соседа. А плохие, когда у соседа всё лучше, чем у тебя.

– М-да, местные тонкости мировосприятия мне не совсем по нраву.

– Тебе пришлось бы устраивать железную дисциплину во всей стране и заставлять народ радоваться по команде. А мы с тобой даже ребёнка ещё не воспитали, куда уж нам до министров.

– Э-хе-хе. – Айрис слепила снежок и запулила им в спину одного из парней, кучкующихся у табачного ларька.

Разумеется, попала. Резко отвернулась и сделала вид, что это не она. Я из любопытства дождался реакции. Естественно, жертва решил, что это я. Четверо парней, по виду всем в районе двадцати или чуть за, решительно направились в нашу сторону.

– Ты хотела веселья, сейчас его получишь, – пробубнил я.

– Я видела по телику, Далай-лама так делал.

Айрис обернулась и, широко улыбаясь, посмотрела на приближающуюся ватагу. Она надеялась обезоружить их

улыбкой, но парни решили, что это насмешка. У одного в руках показался пистолет, то ли пневматика, то ли травмат.

– Ребята, это я бросила снежок. Простите, что попала. Хотела просто пошутить, – попыталась она загасить конфликт.

– Не переводи стрелки, корова, это твой ухажёр бросил, мы видели. Иди сюда, утырок!

Начался «танец» жожака. Выпятив вперёд грудь и расставив в сторону пальцы, он пытался вызвать во мне чувство страха, но только насмешил. Я не сдержался и рассмеялся. Жожака моё поведение обескуражило и обидело. Он выхватил из рук товарища пистолет и направился ко мне.

– Парень, не дури. Приношу свои извинения за инцидент, – теперь уже я попытался погасить конфликт.

– Поздно, кровью придётся смывать. – Он направил в меня оружие и выстрелил.

Я успел отскочить от первой пули, но от второй из-за скользкой опоры под ногами – не получилось. Пуля больно ударила меня в грудь. Я даже вскрикнул и чуть не потерял равновесие. Дальше произошло то, чего хулиганы не ожидали. Беременная девушка со скоростью гепарда метнулась к жожаку. Он, отвлечённый на меня, даже не заметил её приближения. Айрис вырвала из его рук пистолет, одновременно ударом ноги отправив парня в сугроб. На глазах у его товарищей сломала пистолет пополам. От её любезности и веселья не осталось следа. Взгляд горел яростью.

– Ваша машина? – Айрис кивнула в сторону ржавой «де-

ВЯТКИ».

Один из парней робко кивнул. Моя супруга метнула в её сторону обломки пистолета, пробившие дверки машины насквозь.

– Всем радоваться! – выкрикнула она. Подошла ко мне и состроила жалобную мину.

– Прости, Гордеюшка. Больно? – Она полезла ко мне, чтобы расстегнуть куртку.

В месте попадания пули осталась дырка. Я расстегнул куртку сам и обнаружил на коже огромный синяк под ключицей с левой стороны.

– Резиновая, – решил я. – Это был травматический пистолет.

– Сейчас придём домой, и сразу в капсулу. Ой, какая я дура, а?

– Не, ну в какой-то момент мне тоже было весело. – Стало немного жалко Айрис. Она делалась такой ранимой, когда её искренние добрые чувства натыкались на стену непонимания землян. – Но воспитателем в детский сад я бы тебя не пустил.

Товарищи подняли из снега вожак и поспешно ретировались. Мы продолжили путь в сторону дома.

– А вдруг я не смогу воспитать ребёнка? Это же такая ответственность. Столько нюансов нужно учитывать, чтобы правильно воспитать. Вырастет, как я в свои худшие годы.

– Или как я до нашего знакомства.

– Что делать, Гордей? – Айрис посмотрела на меня так, будто решила в этот момент поставить вопрос об уместности рождения ребёнка.

– Ничего. Я где-то читал, что надо воспитывать себя, а не ребёнка, потому что он неосознанно перенимает опыт родителей. Справимся, если ты не будешь искать веселья во всём. Скоро в нашем городе каждая собака будет знать, что связываться с нами себе дороже. А это будет привлекать к нам ненужное внимание.

– Я поняла, Гордей. С этого момента больше никаких импровизаций. Всё буду спрашивать у тебя.

– Но-но, полегче. Ты меня быстро утомишь или я решу, что без моего совета ты и в туалет самостоятельно сходить не сможешь. Просто пойми, что мы, жители этой планеты, в большинстве своём превентивно негативны. Для радости нужен повод, а для уныния нет.

– Ты же не такой.

– Только благодаря тебе. Пришлось, знаешь ли, напрячься, чтобы не упустить такую красавицу.

– Ладно, спасибо. Вот и пришли.

Снега во дворе навалило порядком. Дворник чистил парковку, а моя машина мешала.

– Иди домой, а я перееду, – предупредил я Айрис, – пока дядька не нацарапал на машине что-нибудь обидное.

– Давай, я поставлю кофе.

Она убежала в подъезд, а я прошёл к машине.

– Сейчас перееду, – предупредил я дворника.

– Давай, а то я тут уже час лишний трусь, жду, пока стоянку освободят. Мария Александровна не засчитает смену, если я не вычищу полностью. Такая вредная баба.

Я забрался в машину и завёл её. Дизель зимой грелся плохо. Пока не поедешь, не нагреется. Ждать не стал, переехал на чистое место. Увидел в колодце подстаканника бутылочку коньяка из отеля, подаренную нам Кианой и Троем и решил сделать дворнику подарок, компенсировав неудобства.

– Держите, презент от фирмы. – Я протянул ему бутылочку.

– Что это? – посмотрел он на бутылку. – Сувенир?

– Это стограммовая бутылка хорошего коньяка. Из отеля.

– Ты чё, решил, раз я дворник, значит, обязательно алкаш? – уставился он на меня недобрый взглядом.

– Я так не думал. Это моя бутылка, и я иногда позволяю себе выпить. Решил, почему бы не угостить хорошего человека отличным коньяком. Поймите меня правильно.

– Ладно, поверю. – Он забрал бутылку, посмотрел её на просвет, быстро свинтил пробку и вытряс содержимое в рот. – Ничё так, не слишком поганенько. Ещё есть? – Дворник утёр рукавицей щетинистый подбородок.

– Нет.

– Раздразнил только. Дай сотку, потом отдам.

Я вынул из кошелька сто рублей и отдал дворнику.

– Вот, деньгами человека никогда не обидишь. – Он убрал

купюру под шапку. – Сейчас дочщу и смоताюсь в магаз за допингом.

Не успел я дойти до подъезда, как дворник, прикопав лопату в сугробе, трусцой направился в сторону недавно откывшегося сетевого алкогольного магазина. Трудно быть тем, за кого тебя принимают.

Айрис встретила меня у порога. Выглядела она взволнованно.

– Гордей, кажется, началось, – произнесла она слезливым жалобным тоном.

– Что началось?

– Родовая деятельность. Я что-то почувствовала. Наверное, это были схватки.

– Рано же?

– Так ведь мы не знаем точно, когда зачали. У нас разброс в целый месяц.

– Блин! Ведь были схватки боевые... – Я растерялся и начал заново надевать обувь.

– Ты куда? – спросила Айрис.

– Не знаю, но куда-то надо. Мне самому тебя везти или скорую вызвать?

– Подожди, рано ещё паниковать, вдруг показалось?

– Н-да, предполагал я, что это будет волнительный момент, но как-то иначе. – Я снова скинул обувь. – Кофе приготовила?

– Ой! – Айрис убежала на кухню и загремела посудой. –

Убежал! Сейчас опять поставлю.

Боль в грудной клетке ушла на задний план. Сердечко моё застучало в висках, мешая взять себя в руки и успокоиться. Я так не волновался с того момента, когда Джанбооб чуть не прикончил меня. Хотя нет, то волнение было иного рода. Тогда злость не давала мне как следует напугаться, а сейчас я чувствовал, как увлажнились мои ладони, а во рту стало сухо. Непонятно, почему я так волновался. Знал, что медицина у нас на должном уровне, что в спальне лежит капсула, в которую можно положить Айрис в случае каких-то проблем, но всё равно мне было страшно. Вдруг врачи отвлекутся, вдруг санитарки не доглядают, вдруг малыш получится каким-нибудь уродцем. Капсулой этого не исправить.

Я вошёл в гостиную и сел за стол, подперев лоб рукой.

– Гордей, возьми себя в руки. Если и ты начнёшь строить из себя паникёра, то я окончательно расклеюсь. Тебе самому надо в капсулу, подлечить рану.

– Я в порядке. Не каждый день моя жена рожает. Этот процесс опасный, – я изобразил мимикой и руками, как сую голову в узкое пространство, – для матери и ребёнка. Я попрошу врачей, чтобы они разрешили мне быть рядом. Буду держать твою капсулу наготове.

– Спасибо. Твоё присутствие добавит мне уверенности и спокойствия. Только давай сейчас успокоимся. Мне кажется, я сама придумала себе схватки.

– Серьёзно?

– Да. Я почитала в интернете, и что-то на них не совсем похоже.

– Блин, Айрис, я потерял десять лет жизни от волнения. У меня вон седой волос появился.

– Это перо.

– У меня седое перо уже лезет. Из куртки.

Айрис сняла турку с плиты и разлила нам кофе. Себе разбавила пополам с водой, считая, что крепкий вреден ей и ребёнку. Я быстро выпил. В груди саднило от боли, и мне не терпелось её унять.

– Ладно, пойду завалюсь в капсулу. Вылечу себя от физических и моральных последствий твоих шуток.

Я поцеловал Айрис в губы и живот. Малыш ткнул меня через кожу мамки в нос. Айрис рассмеялась.

– Наверное, у нас будет сын. Так он приветствует своего отца, – решила она.

– А если это дочь, которая протягивает мне ножку для поцелуя?

– Ну, может быть и дочь. Ахейя.

– Кто?

– Ахейя. Красивое имя.

– Нет, нет, нет. Никакой Ахеи. В космосе ещё куда ни шло, но тут никаких Ахей. Жена Айрис и дочь Ахейя – звучит, будто я живу в древнегреческом сонмище богов.

– А что ты предлагаешь?

– Если на А, то у меня такие варианты: Арина, Алёна,

Александра.

– Это так устарело, звучит как клички пещерных людей.

– Но-но, нормально звучит. Иди приляг на кровать, а я подле, в капсуле почилю, потом договорим.

– Ладно.

Я разделся и лёг в капсулу. Её щупальца присосались к моей коже и заставили заснуть. Во сне процесс заживления происходил намного быстрее. На полное восстановление ушло минут двадцать, но по ощущениям будто прошло несколько часов. Я чувствовал себя прекрасно. На груди остался едва заметный след, который должен был исчезнуть через несколько процедур.

Айрис на кровати не было. Я прислушался. В другой спальне клацали кнопки клавиатуры компьютера. Она с кем-то переписывалась. Я решил, что с Камиллой или Кианой. Вошёл в спальню и застал её в слезах.

– Это были схватки, Гордей. Я скоро рожу. Меня надо в больницу, в смысле в роддом.

– Так, так, так. Сами поедем или вызвать скорую?

– Давай сами. Я не хочу ехать с чужими людьми.

– Хорошо. Я пошёл заводить машину, а ты собери вещи.

– Они у меня уже давно собраны.

– Тогда жди, я заведу и поднимусь за тобой.

Мне удалось одеться гораздо быстрее, чем за сорок пять секунд. Выскочил в подъезд и побежал по ступенькам, чтобы не тратить драгоценные секунды на лифт. На лавке перед

подъездом спал, поджав под себя ноги, дворник. Зря я сделал ему презент, спровоцировав запой.

После снегопада начало подмораживать. Небо вызвездило. Я завёл машину, поставил климат на обогрев, благо здесь тепло шло не только от двигателя, но и от встроенных в воздуховоды электрических обогревателей. Прежде чем подняться за Айрис, затащил дворника в подъезд и усадил его у тёплой трубы.

Супруга стояла в дверях. Мы закрыли дверь и на лифте спустились вниз. По дороге я расспросил, всё ли она взяла с собой. Вроде бы ничего не забыли. В роддом ехал словно во сне, благо машин на дороге уже было немного. Я первым забежал в приёмное отделение роддома и набросился на дежурную сестру.

– Жена рожает, что делать?

– Как рожает? Ребёнок уже показался?

– Нет, не показался. Только схватки. Она в машине. С чего начинать?

– Начните с того, что возьмёте себя в руки. Все рожают, и нет в этом ничего такого. Она идти может?

– Да.

– Ведите вместе с вещами, заключениями из женской консультации и прочими документами.

– Сейчас. – Я было рванул к выходу, но тут же вернулся. – А мне можно присутствовать?

– В нашем роддоме это не практикуется. Мы за стериль-

ность и традиции.

– Жаль. Ладно, я сейчас.

Мы вошли с Айрис в приёмное отделение через минуту. Нас приняла уже другая сестра, проверила бумаги, задала стандартные вопросы и, взяв мою Айрис под локоток, повела её в глубь роддома.

– Айрис, а телефон взяла?

– Нет, забыла.

– Ну вот, оставила меня в неведении.

– Привозите, передам, – успокоила меня дежурная сестра.

– Я мигом.

У меня ушло минут двадцать, чтобы добраться до дома и найти её телефон. На обратном пути меня остановили инспекторы ГИБДД и поинтересовались причиной спешки. Я объяснил им ситуацию.

– Ладно, давай за нами, с сиреной и мигалками долетим гораздо быстрее.

Я был им очень благодарен. Наш кортеж из двух машин пронёсся несколько раз на красный сигнал светофора. У роддома мы очутились через пять минут.

– Спасибо, мужики! – поблагодарил я их от всей души. – Просите что угодно.

– Больше не гоняй.

– Обещаю, – отсалютовал я.

Дежурная сестра встретила меня улыбкой.

– Готовят уже вашу жену к родам, – сообщила она.

– Как? Так быстро?

– Как говорила моя мама, срать и родить нельзя погодить.

Простите за физиологичность.

– А как её готовят?

– Тебе не надо знать. Езжай домой и жди сообщение от жены. Не бухай только, а то есть у вас такая привычка, забивать страх водкой. Вдруг что-нибудь понадобится.

– Я не пью. А вы тут ещё долго будете? – поинтересовался я.

– С какой целью интересуетесь?

– Я хочу, чтобы меня держали в курсе здоровья моей жены. – Я вынул кошелёк и достал из него пяти тысячную купюру. – В режиме реального времени.

– Я буду здесь ещё восемь часов. Запишите мой телефон.

Мы обменялись номерами, после чего с тяжёлым сердцем я вернулся домой. Пил чай и сидел перед телевизором всю ночь. Звонил медсестре раз десять, но она сказала, что Айрис ещё не родила. Потом я как-то незаметно уснул и проснулся от того, что пискнул разряжающийся телефон. Я взял трубку в руки, чтобы поставить её на зарядку и увидел непрочитанное сообщение от Айрис. Открыл его трясущимися руками: «Гордей, поздравляю, ты стал папой сынульки. Правда, он такой страшненький».

Дикий радостный крик огласил пространство нашей квартиры.

Глава 2

– Ярило? Ярило? – переспросила меня Айрис, еле сдерживаясь, чтобы не закричать. – Я хоть и не носитель русского языка, но у меня уже напрашиваются всякие неприличные рифмы к этому имени. Никогда в нашей семье не будет никакого Ярилы.

– Что ты завелась? Это были размышления вслух. Хотел чего-то исконного, знакового, символичного, такого, чтобы между космосом и Землёй. Ярило – это бог солнца из старославянских мифов, а оно как раз посередине между нашими мирами.

– Нет!

– Твои варианты.

Ярило было примерно двадцатым именем, которое я предложил. Бедный малыш спал в кроватке, не понимая, какая жаркая схватка разыгралась между его родителями, пытающимися выбрать для него устраивающее обоих имя. Айрис выписали на третий день к вечеру. Мы забрали её всей нашей бандой, включая моих родителей и Михаила с Марией, тайно прилетевших в город. Женщины вылизывали нашу квартиру дочиста. Я с мужиками собирал кроватку для сына, бегал по магазинам в поисках погремушек и картинок со смешариками на стены. Оказывается, мы с Айрис многого не знали и упустили, плохо подготовившись к появлению

нового члена семьи.

Айрис выглядела замечательно. Немного похудела и побледнела за эти три дня в больнице, но в противовес этому у неё увеличилась грудь, изменив фигуру. Она сделалась более женственной. Наш безымянный малыш, когда не спал, висел на её титьках, как клещ, охраняя своё эксклюзивное право на них.

– Кальмечий, – предложила свой вариант Айрис.

– Что? Это как кальций, что-то про известковый налёт, а не про человека.

– Герикап.

– Айрис, ты вызываешь демона? Он уже во мне просыпается. У вас там нормальные имена бывают? Ещё несколько вариантов и я буду согласен на Джанбоба. Джанбоб Гордеевич звучит?

– Отвратительно звучит. Ну почему такое простое дело вызвало у нас столько проблем?

– Михаил. В честь Михаила Аркадьевича.

– Нет. Михаил у меня ассоциируется с пожилым мужчиной. Нужно что-то юное, брызжущее энергией во все стороны.

– Модест?

– Да что тебя на какие-то странные имена тянет? Мы будто придумываем имя для планеты, на которой бесследно пропадают люди. Асметил?

– Метил? Ни в коем случае. Метил – яд, от него слепнут.

Хотя удобно, первый сын Асметил, второй – Асэтил, третий Аспропил, и ничего придумывать не надо.

– Как я устала, Гордей. Согласна на любой твой вариант, кроме тех, от которых отказалась. – Айрис откинулась на спинку кресла. Халат распахнулся, оголив сочную грудь. Я плотоядно уставился на неё.

– Пока эта кормушка не для утех. – Она запахнулась.

– Вместо него должен был родиться я.

– Может, назвать в честь деда? – ни с того ни с сего предложила Айрис.

– Николаем?

– Х-м, Николай, Никола, Никас, Нико, Ник. У нас часто используют производные от этого имени. Если случится вернуться на станцию, то у малыша не возникнет проблем со сверстниками, смеющимися над странным именем. Я бы звала его Ником или Никасом.

– Бате понравится. Только давай, чтобы это было не одолжение, и не от усталости, а от души. Тебе правда нравится это имя?

– Да. Ещё мне нравится характер твоего отца.

– Да ладно?

– Серьёзно. Он такой прямолинейный, что никогда не ждёшь от него тайной подлости. Не нравится – скажет. Если не скажет, значит нравится.

– Это точно. Если молчит, значит доволен.

Наш малыш заворочался и запыхтел.

— А ну-ка, маленький Никас, иди к мамочке. — Айрис взяла его на руки и приложила к груди.

Тот сразу заработал как маленький насос, положив маленькую розовую ладонь на материнскую грудь. С этого мгновения сын для меня обрёл личность, у которой было имя.

Для нас с Айрис начался новый этап нашей жизни. Теперь нас было трое, и этот новый третий член семьи требовал столько внимания, что нам не оставалось его на самих себя. Изменилось всё. Айрис теперь не могла есть всё подряд, иначе у Никаса болел животик и он мог проорать всю ночь. Сутки делились не часами, а периодичностью стула нашего малыша. Айрис осматривала какашки со знанием дела, сличала с фотографиями из интернета и собственно по ним определяла, нужно ли беспокоиться о здоровье ребёнка или ещё рано. Своей капсулы у Никаса ещё не было. Его здоровье было целиком и полностью в наших руках и руках российского здравоохранения, а это вселяло определённые опасения и заставляло нас быть маниакально предусмотрительными.

Нас дважды навещали родители. Мать дала несколько ценных советов по обращению с малышами. Она показала, как надо выкладывать орущего ребёнка на животик, чтобы он избавился от газов. Сэкономила бы нам кучу времени, если б рассказала об этом раньше. Потом оказалось, что, лёжа на животе, малыш тренирует мышцы шеи и сможет раньше

держат голову. Мой отец, как дед, имя которого носит внук, несколько раз брал его на руки, ходил с ним по дому, разговаривал, но каждый раз возвращал с одним и тем же комментарием:

– Держи, Колька обоссался.

– Пап, нельзя ли как-то нежнее? – попросил я, зная, что Айрис корбит от режущего слух слова.

– Не давайте мне его больше. Возьму на руки, когда сам на горшок начнёт проситься. А будете так с ним цацкаться, он вам до женихов в штаны срать будет.

– Пап, ему чуть больше месяца.

– Первые месяцы самые важные для формирования характера. Не спешите как ненормальные на первый его писк, дайте ему прочувствовать всю прелесть ситуации. Пусть покряхтит в своём говне, поймёт, как это неприятно валить в штаны. Пусть полежит чуть-чуть голодным, прочувствует ценность еды. А то чуть что, сразу затыкаете его сиськой. Это же мужик будущий, он должен уметь терпеть, ждать и думать. Он так и говорить быстрее научится.

Мы потом несколько раз обсуждали отцовские советы с Айрис и пришли к выводу, что он прав. Никас, если его сразу не начать кормить, как только он что-то вякнул, начинал издавать разные звуки, будто подбирал сигналы, которые мы должны были понять. Постепенно мы научились распознавать его возгласы, имитировать их, делая вид, что общаемся. Наградой нам были его улыбки, доводящие до слёз уми-

ления.

– Как же мы жили-то без тебя раньше? – удивлялась Айрис.

Сейчас невозможно было представить то время, когда Никаса не было с нами. Весь мир заиклился на нём. Какой космос, какая станция, какой Джанбоб! Ничего этого не существовало. Выдумка, фантазия, которой компенсировали отсутствие ребёнка. Даже Айрис призналась, что ей теперь совсем неинтересно думать о прежней жизни, даже как-то стыдно за глупые мысли, владеющие её сознанием в прошлом.

Наступила весна, вторая половина мая. Природа расцвела, заблагоухала цветущими садами. Никас подрос, оформился в забавного толстощёкого малыша. Мы решили съездить в деревню, пожить у родителей неделю, чтобы сын подышал чистым воздухом, да и самим отдохнуть от городских стен. Я взял миниотпуск на десять дней. Рано утром мы забили багажник машины всем необходимым и не спеша отправились в деревню к родителям. Для уставшей от однообразия Айрис эта поездка была сравнима с путешествием за семь морей. Она жадно рассматривала придорожные пейзажи, комментировала их и восторгалась, будто мы ехали среди инопланетных красот.

– Тебе не понять, – ответила она на мою поддёвку. – Я же выросла во всём искусственном. Пока сидела дома с Никасом, будто вернулась в то время, когда жила на станции. Зем-

ля красивая планета, особенно весной. Пробуждение, радость начала новой жизни.

Она поцеловала спящего сына в носик. Тот сморщил его, похныкал и снова уснул. Машина действовала на него снотворно.

Родители были предупреждены о нашем визите и поэтому встречали у ворот. Отец открыл их и показал, куда ставить машину. Он даже убрал куда-то свои железки, к которым за-прещал прикасаться, чтобы появилось место для парковки. Мать приняла кулёк с внуком из рук Айрис и сразу начала сюсюкать.

– Нин, хорош, не порть мне внука. Дай сюда.

Никас пошёл по рукам. Дед откинул уголок пелёнки, открыв ему лицо. Внуку попало солнце в глаза, он сморщился и чихнул, обрызгав деда слюной.

– Пометил, – довольно произнёс отец. – Будь здоров, Колька.

Внук улыбнулся беззубым ртом и агукнул на радость деду.

– Проходите в дом, у нас всё накрыто. Ждали вас, – пригласила мать. – Отец уже несколько раз приложился, чтобы время быстрее шло.

– Сейчас, достану вещи из багажника, – предупредил я.

– Я помогу, – вызвался отец.

Он заглянул внутрь машины и присвистнул.

– Вот это вы снарядились, как драпающие оккупанты. Никак на год к нам приехали?

– Здесь всё самое нужное, пап. Еда, коляска, сменные пелёнки, подгузники, костюмчики, аптечка, чистая вода для малыша.

– Да-а-а, времена. У тебя, помнится, с собой только сменный подгузник из марли был да баночка с зелёной, а поили тебя водой из-под крана.

– Ну, сейчас всё не так, и слава богу.

– Двух вам не потянуть с такой машиной, барахло не влезет. Придётся автобус покупать.

– Шутник. Когда соберёмся второго заводить, Никас уже подрастёт.

– Что за имя? Не зови его при мне так. Зови Колькой. У них там в Канаде, может, и живут всякие Никасы, но тут Россия, и нечего коверкать хорошее имя.

– Ладно, буду звать его при тебе Колькой.

– Молодец. А то вы такие современные стали, как с другой планеты.

Мы разгрузили вещи и сложили их на солнечной веранде. Прошли в дом и сели за стол. Айрис с вожделением смотрела на угощения. Мать вынимала в большую тарелку пельмени.

– Давайте в качестве аперитива перед пельменями бахнем по рюмочке, – предложил отец. – Дамы, вы с нами? – посмотрел он на Айрис.

– Я с вами. Врач сказал, что нельзя красные напитки, иначе диатез у ребёнка будет, а водку можно.

– Хорошо, что хоть иногда попадают нормальные вра-

чи. – Он налил ледяную водку в рюмку, и та сразу покрылась каплями.

Мы долго сидели за столом, не торопясь ели, болтали. Айрис дважды покормила Никаса. Наш малыш, видимо под разговоры, чувствовал умиротворение и безмятежно спал. Мне тоже было очень хорошо и спокойно, будто я снова ребёнок, избавившийся от ответственности быть взрослым рядом с родителями. Еда и алкоголь сморили меня.

Я проспал до вечера. Айрис призналась, что тоже прикладывалась рядом, но сынок не дал ей отдохнуть как следует. Мы выбрались на свежий воздух в беседку. Мать ушла встречать коров, а отец, пользуясь моментом, принёс и поставил на стол бутылку с мутноватой жидкостью.

– Что это? – подозрительно поинтересовался я.

– Пробудин. Снимает последствия сна как рукой и лечит похмельный синдром.

– Почему цвет такой?

– Ингредиенты дают. – Отец налил в две рюмки. – Айрис не наливаю, не знаю, как скажется на Кольке.

– Я не спала, и у меня нет похмельного синдрома, – призналась супруга.

– Вот и замечательно. Пей.

Я взял рюмку и понюхал. Смесь алкоголя и мятного. Зажмурился, выдохнул и выпил. Вначале рот, а потом и внутренности наполнились ледяным огнём. Я вытаращил глаза и задышал.

– Я тебе говорил, Пробудин. Тонизирует на раз. – Отец усмехнулся, довольный произведённым эффектом.

– Ты там самую ядовитую жвачку растворил?

– Нет, «Пектусин», таблетки от кашля. Нашёл в аптечке. Думаю, ещё с советских времён лежат. Решил растворить и посмотреть, что получится. По-моему, здорово. Лечит похмелье, сонливость и кашель.

– Второй раз я эту дрянь выпить не смогу.

– И не надо. Пробудин употребляют в медицинских количествах. Полегчало ведь?

– Да. – Мне действительно стало веселее. – Я снова проголодался.

– Подожди, сейчас мать коров подоит, и сядем ужинать.

Айрис держала Никаса перед собой, чтобы он любовался своими большими глазками на деревенские просторы. Ему и вправду всё было интересно. Он пытался следить за собакой, гремющей цепью во время вычёсывания задней лапой блох. Вздрагивал от её периодического лая, но не плакал. Вздрагивал от петуха, решившего прокукарекать. От коровы, заглянувшей во двор через забор, затаившей на полном выдохе протяжное «Му-у-у». Наш малыш поглощал новый мир с любопытством. Не зря мы решили вывезти его из города.

Мать подоила корову. Промчалась мимо нас с ведром на летнюю кухню и вернулась оттуда с большим блюдом отваренной картошки, облитой маслом с луком, банкой солёных опят, маринованным болгарским перцем и нарезанным са-

лом. Айрис отдала мне сына и стала помогать матери сервировать стол.

Мы ещё немного выпили с отцом и неторопливо принялись есть. Погода благоприятствовала ужину на свежем воздухе. Комары ещё не появились, мухи уже не летали в сумерках.

– Гордей, помнишь поляну за Кривой балкой? Там лесок, ручей, пацаны шалаши строили лет двадцать назад.

– Помню, а что?

– Ай, Нин, ты про эту брехню хочешь рассказать? – Отец отмахнулся, как от назойливой мухи. – Людям скучно в деревне, вот и сочиняют.

– Ты не видел, а люди видели, не мешай. – Мать не стала его слушать. – Там по ночам время от времени видят какие-то огни. Они бесшумно двигаются, будто по кругу. Днём придут – ничего нет. А ночью опять бегают.

– Да пацаны это дурью маются, – категорически заявил отец. – Как двадцать лет назад, так и сейчас. Вам лишь бы в чудеса всякие верить и пришельцев. Скажи мне, Айрис, у вас в Канаде тоже во всякую дрянь верят?

– Пап, вы про что? – Айрис улыбнулась и посмотрела на меня.

– НЛО, круги на полях, пришельцы, что они пирамиды построили.

– Верят некоторые, но я точно в эту ерунду не верю. Откуда взяться инопланетянам? Сидят все по своим планетам,

ужинают и никуда лететь не собираются. Надо им на какую-то Землю лететь пирамиды строить?

– Вот, зрелые мысли. Хорошо, что в вашей семье есть человек с такими взглядами, а то Гордей, он, знаешь ли, любит иногда оторваться от земли. В детстве как привяжется со своими фантастическими идеями, думал, писателем станет или в психушку загремит, такой не от мира сего был.

– Коль, не наговаривай на сына. Нормальным он был и есть. Это ты простоватый как три рубля, вот любой умнее тебя и кажется отклонением.

– А давно там огни видят? – спросила Айрис.

– Дней десять уже. В смысле ночей.

– Я бы прогулялась. – Айрис с наслаждением втянула свежий воздух. – Жаль, Никас, Колька не даст.

– Почему не даст? – удивилась мать. – Сседи молоко в бутылку, я сама его напою.

Айрис смутилась.

– Я так никогда не делала.

– А что такого? Сседи да гуляй. Я знаю, что такое быть привязанным к ребёнку, когда лишний шаг за ворота в радость. Сейчас принесу бутылку, из которой ещё Гордея поили.

Она ушла. Айрис спросила у меня с сомнением:

– Как ты думаешь, это нормально?

– Наверное. Думаю, меня оставляли наедине с бутылочкой, раз она у меня была.

– Я бы с удовольствием сейчас нарезала кружок в пять километров, – размечталась супруга.

– Идите, не волнуйтесь. Матери в радость побыть наедине с внуком. Заждалась она его.

Мать принесла градуированную бутылочку с широким горлышком под соску.

– Вот, кипяточком обдала, можешь цедить.

– Ладно. Я быстро. – Айрис убежала в дом, чтобы заняться интимным процессом без свидетелей.

Сын обосновался на моих руках.

– Дай, – попросил отец.

– Коль, ты пьян, – испугалась мать.

– С чего это? Не бойтесь, я в любом состоянии с младенцами осторожен.

Я нехотя передал сына деду и на всякий случай встал поближе. Он взял Никаса на руки и принялся петь какую-то армейскую песню из своей молодости, с жутким текстом, но ритмичную, и под этот ритм качал внука. К моему удивлению, сын начал заливаться смехом. То ли ему было приятно, то ли ему был смешон дед со своими гримасами и нелепой песней. Отец выдохся через несколько минут пляски. Вернул мне сына и устало сел на стул.

– Тяжёлый труд – воспитывать внуков. Загонял Колька деда, – произнёс он довольно.

Вернулась Айрис с бутылочкой.

– Вот. Куда её?

– Ставь. Соски есть?

– Да. Сейчас.

Мы отдали сына на попечение бабки с дедом и впервые после его рождения отправились гулять с Айрис вдвоём. Мать убедила нас не волноваться, не спешить и наслаждаться моментом. Мы послушались её и вышли со двора с лёгким сердцем.

– Куда пойдём? – Айрис окинула взглядом просторы.

– Давай проверим теорию внеземного происхождения огней за Кривой балкой.

– Давай. Страсть как интересно. А вдруг?

– Только если это пьяные деревенские пацаны, обещай не кидать в них ничего.

– Обещаю.

Мы направились в сторону Кривой балки. По дороге нас накрыла ночь. Светящиеся огни деревни остались позади. Небо было таким звёздным, каким в городе его никогда не увидишь. Воздух посвежел, а в низинках так вообще сгустился влажным туманом. Дорога к Кривой балке вела одна. Её контуры очерчивались в бледном сиянии звёзд. Будь мы с Айрис без модификаций, наверное, нам было бы не по себе. Наши глаза адаптировались к темноте, казалось, будто мы идём днём в тёмных очках, смешивающих световой спектр в серый цвет разной насыщенности.

– Какие очаровывающие звуки. – Айрис остановилась и прислушалась к ночи. – Давай переедем в деревню?

– Я не готов к этому. Лучше периодически приезжать из города в деревню на отдых, чем наоборот. Тут надо работать. Отец вон уже на завтра нарезал мне выкопать десять ям под столбы. Решил пригородить немного территории. На следующее лето хотят с матерью завести овец. Мать будет вязать нам носки, свитера и варежки.

– Как здорово! – Айрис захлопала в ладоши. – Я хочу научиться вязать. Это, наверное, так натурально и полезно.

Я вздохнул.

– Наверное.

– У, зануда.

– Знаешь, у меня детства не было из-за этой скотины. Школа, сарай, уроки, сарай – вот мой распорядок дня. Скотину надо кормить, поить, вычищать навоз. Только кажется, что у тебя всё натуральное и своё. Но проще и дешевле купить, чем вырастить самому. Родители так привыкли, и образ их мыслей уже не изменить.

– Я буду им помогать, – решительно заявила Айрис. – У тебя этого было с избытком, а мне как раз не хватало. Отпускай нас с Никасом периодически в деревню, для смены обстановки, а сам дыши городскими выхлопами, зарабатывай деньги.

– Договорились.

Мы поднялись на пригорок и остолбенели. Впереди метались огни. Сгорая от любопытства, прибавили шаг. Огни кружились в хороводе, не меняя скорости и ритма. Лю-

ди обязательно сбились бы, если это был настоящий хоровод с фонариками. Мы подошли вплотную. Источником огней точно были не люди. Светящиеся шары висели в воздухе и вращались. Никаких звуков при этом они не издавали. Какая-то непонятная таинственная высокотехнологичная карусель. Я не исключил, что какой-нибудь деревенский Левша решил разыграть односельчан, скопировав из всемирной паутины рецепт чуда.

Я потянулся, чтобы дотронуться до шара, но Айрис отдернула меня.

– Не вздумай, – произнесла она испуганно.

– Почему? Надо же разобраться, как устроен этот секрет.

– Ага, разобраться. Знаешь, на что это похоже?

– Нет.

– Так выглядит маяк, который ставят метаклианцы.

– Кто?

– Метаклианцы. Такие страшненькие, похожие на большую картошку. У них нет ни рук, ни ног, ни глаз, только симбиоты, живущие на теле и подчиняющиеся мысленным командам. Метаклианцы всегда сами по себе и не входят ни в одну вселенскую организацию. Они и живут-то в подпространстве, а показываются на глаза, только чтобы поставить маяк.

– Ты придумываешь. – Я решил, что Айрис меня разыгрывает.

– Хотелось бы. Если я ошибаюсь, то брошенная в сторону

огней палка упадёт на землю, а если нет – исчезнет.

Айрис подняла с земли сухую палку, замахнулась и бросила в сторону вращающейся карусели. Палка долетела до границы огней и просто исчезла.

– Не ошиблась, – произнесла она тревожно.

– А зачем им маяки?

– Либо для повышения точности навигации их судов, либо для создания статичного портала в подпространство. Мы проходили это в школе, и нам показывали подобные маяки и процесс превращения планеты в чёрную дыру.

– Дыру?

– Да. Вокруг планеты построят кольцо, от солнца прокинут посредством магнитного туннеля плазменный вихрь для получения энергии и начнут постепенно сжимать атомы планеты, пока она не уплотнится до состояния чёрной дыры. Это и будет портал в подпространство. Вернее, для них наша вселенная является подпространством.

– Они что, не видят, что планета населена?

– Псс, мы для них представляем такую же ценность, как для нас микробы на картошке.

– А маяки навигации и чёрной дыры чем-то отличаются?

– Нет.

– А твои знакомые со станции могут повлиять на это?

– Да. Они демонтируют маяки на населённых планетах.

– Звони Камиле, пусть она выйдет через интернет в космическую сеть и передаст сигнал бедствия.

Айрис достала телефон и набрала Камиле. Та не сразу взяла трубку.

– Алё, – раздался её голос.

– Прости, я тебя разбудила?

– Нет. Просто я только разомлела под руками Апанасия. Он делает мне массаж после тяжёлого дня.

– Так, забудь про массаж и слушай меня внимательно. Мы с Гордеем обнаружили действующий метаклианский маяк. Надо передать в систему эту информацию, чтобы они приняли меры.

– Не знаю, кто такие метаклианцы, но ничего передать не получится, связи уже три дня как нет. Думаю, парни из системы пресекли преступную деятельность Джанбоба «Золото в обмен на продовольствие», и обрезали связь.

– Блин! – Айрис топнула ногой.

– А чем это грозит? – поинтересовалась Камила.

– Землю уничтожат вместе с нами.

– Да ты что? Как быстро?

– Быстро.

– А что теперь делать?

– Надо передать на лунную базу радиосигнал с какого-нибудь спутника.

– Вряд ли система отнесётся к их предупреждению серьёзно.

– Есть такая вероятность. Интересно, а есть на Луне корабль, который может сесть на Землю?

– А причина для этого? Никто просто так не станет нарушать закон.

– Скажи, что за нашу поимку объявлена большая награда.

– Ты в своём уме, Айрис? Нельзя так часто ходить по лезвию бритвы.

– О чём ты говоришь, Камила, мы все умрём, если не поспешим. Давай, передавай на Луну наши координаты.

– Вы придурочная семейка. Где ваш бедный Никас?

– У родителей в деревне.

– И вы бросаете его?

– Я полечу одна, – произнесла Айрис.

– Ты не полетишь одна, – отрезал я.

– Камила, вызывай, мы пока определимся со своим составом.

Глава 3

– Это дело нескольких часов. – Айрис категорически не хотела, чтобы я отправился с ней. – Я свяжусь со станцией, а они примут меры. Мы не можем улететь вместе, бросить сына на родителей, ничего не сообщив о своём исчезновении.

– Пойми, нас там ждут совсем не те люди, которым мы будем рады. Стоило мне высадиться на первой станции, как за мной тут же прискакали охотники за головами.

– Я буду хитрее.

– У тебя нет денег нанять корабль, чтобы они вернули тебя на Землю. Тебе ещё как-то придётся расплатиться за то, что они прилетели в первый раз.

– За это им заплатит Джанбоб.

– Вот именно! А он заплатит только после того, как получит тебя в свои руки. Давай не будем пороть горячку, у нас наверняка есть ещё несколько дней или недель, чтобы найти более подходящее решение.

– А если нет?

Айрис посмотрела на меня таким серьёзным взглядом, что мне пришлось отнестись к предостережению серьёзно. Я ведь понятия не имел о метаклианских маяках.

– Может, предложить Камиле и Апанасию слетать на Луну? Она же всё-таки хакер.

– Она не была жителем системы и понятия не имеет, куда

сообщать.

– Вот засада, а. – Я в сердцах сплюнул. – Какого чёрта мы попёрлись смотреть на эти огни?

– Да это счастье, что они поставили маяк возле деревни твоих родителей. Ты даже представить себе не успеешь, когда начнётся процесс сжимания атомов. Бум, и ты уже размером с микроба.

– А что такого, это размер моего внутреннего «я». Наступит вселенская гармония.

– Хватит шутить, Гордей. – Айрис снова набрала номер Камилы. – Привет, ну что там? Дозвонилась до Луны?

– Сообщение отправила. Известила про маяк, предложила взять земными благами за срочную эвакуацию и дала ваши координаты. – Камила немного помолчала. – Может, нам всем свалить отсюда на всякий случай? Мы с Апанасием всегда на чемоданах.

– Рано. Когда они подгонят кольца, у нас останется несколько суток. Чего бежать, как крысы с тонущего корабля? Надо попытаться решить проблему. Всё-таки Земля наша общая прародина и будет стыдно ничего не сделать для её спасения.

Я нечаянно посмотрел вверх и увидел движение среди звёзд.

– Айрис, смотри, – указал ей на светящийся объект, движущийся по сложной траектории.

– Камила, кажется, тебе удалось. Значит, оставляю тебе

инструкцию на всякий случай. Никас в деревне у родителей. Наверное, этой ночью мы с Гордеем вернуться не успеем. Ваша задача поддержать их и не дать волноваться. Кажется, пришло время признаться им во всём, иначе загоним родителей в гроб своими таинственными исчезновениями. Вернёмся – так и сделаем.

Светящийся объект завис над нами и осветил прожектором. Я помахал ему рукой.

– Всё, Камила, они приземлились. Спасибо тебе и не забудь о моей просьбе. Если не вернёмся до утра, купи детскую смесь для Никаса и отвези в деревню. Он же тебе почти племянник.

– Сделаю, – пообещала Камила. – Родители из вас, конечно, так себе.

– Пока, до связи. – Айрис отключилась.

Небольшое судно село на землю метрах в пятидесяти от нас и выпустило гибкий хоботок приёмного трапа. Мы направились к нему.

– Зря мы летим вместе, Гордей, зря. Знай я, что ты остался с сыном, мне было бы намного спокойнее.

– Я не переживаю из-за него. Мать присмотрит за Никасом намного лучше меня. Переживать надо о другом, как нам потом объяснить своё внезапное исчезновение. Так себя ведут только какие-нибудь торчки, раздобывшие дозу. Придётся признаваться родителям, что ты не из Канады.

– Убедить твоего папу, что я из космоса, а не из дурки,

будет намного сложнее.

– А мы устроим им экскурсию. Что, если отправить на станцию для знакомства со сватьей?

– Моей мамой? Ты в своём уме? Мне уже заранее жаль твоих родителей. Представляешь, на какую стену высокомерия они наткнутся?

– Из-за того, что они выглядят не ровесниками?

– И из-за этого тоже.

– Давай моим тоже устроим сеанс в медблоке после того, как решим проблему с маяком.

– Им же придётся переезжать.

– Блин, да деревенские будут на них коситься и, чего доброго, сожгут.

Мы подошли к кораблю. С его стен на землю стекал туман. Нас никто не встречал. На сердце у меня было тяжело и нехорошо от дурных предчувствий. Айрис тоже выглядела взволнованной. Потому, наверное, и согласилась взять меня с собой.

Прежде чем войти внутрь, я набрал номер телефона родителей. Они не брали трубку. Как всегда, лежала где-нибудь в ящике стола на беззвучном режиме. Мы прошли внутрь зияющей дыры приёмного трапа. Он автоматически поднял нас на борт судна. А там уже ждали двое вооружённых людей.

– Про маяк это правда? – первым делом спросил один из них.

– Да, абсолютная, – ответила Айрис, ничуть не смутив-

шись вида их оружия. – Мы хотим сообщить о нём с вашей базы.

– Кому?

– Высшим.

– Пфф, а получится? – усомнился второй.

– Я одна из них. У меня есть возможности это сделать.

– А что ты делаешь на Земле? Сюда же нельзя. Это заповедник.

– Меня изгнали за связь с землянином, – улыбнулась Айрис и кивнула в мою сторону.

– Да, со мной, – подтвердил я.

– Не понравилось жить в комфорте? Захотелось экзотики, натурального? – усмехнулся первый.

– Вам не понять, ребята. Выполните нашу просьбу, хорошо заплатим. Можем устроить вам прекрасный отдых на горячих морских пляжах запретной Земли.

– Ещё не хватало отдыхать среди дикарей. Деньги – другое дело. Проходите, обсудим сделку.

– Спасибо. Рада, что между нами есть взаимопонимание.

Нас отвели в небольшой отсек. Изнутри корабль походил на что-то среднее между кабиной трактора, покрытой налётом чёрной жирной пыли и трюмом круизного лайнера. Нас усадили в чистый уголок, который больше относился к круизному лайнеру.

– Три тысячи кредитов, и мы сделаем вид, что никогда не встречались, – произнёс мужчина, заговоривший с нами

первым.

– Дорого, – попыталась поторговаться Айрис.

– За вас дают десять. – Он открыл голограмму объявления Джанбоба. – Но мы не сдаём людей, которые нам ничего плохого не сделали. Три тысячи кредитов – божеская цена. Вас ещё надо вернуть на Землю, правильно?

– Правильно.

– Вам нужно заплатить вперёд? – поинтересовался я.

– Да. В последнее время участились случаи угона транспорта, используемого для бегства с Луны на Землю. – Мужчина изучающе посмотрел на нас.

– Мы об этом ничего не знаем, – уверенно соврала Айрис. – Нам будет нужна связь и время, чтобы найти необходимую сумму.

– Пожалуйста, мы располагаем и тем и другим. Только для начала по-тихому свалим с этой планеты в условиях радиомолчания.

– Спасибо, – поблагодарила их Айрис. – Мы вам очень признательны.

Корабль взлетел, сотрясся от включения реактивных двигателей и, придавив меня ускорением к спинке кресла, вырвался из оков земного тяготения. Старый корабль с трудом гасил ускорение. Чувствовалось, что ему не хватало силёнок. Затем наступил короткий миг невесомости, после чего включилось искусственное тяготение.

– Камила права, родители из нас так себе. – У меня на

душе сделалось тоскливо от мысли, что мы бросили сына и не поставили родителей в известность.

Никакого способа вернуть им веру в нас, кроме демонстрации тайны происхождения Айрис и наших друзей, не оставалось. Отцу это не понравится, я точно знал. Ему всё, что не пригодились в хозяйстве, казалось глупостью. Космоса для него не существовало. Айрис тоже задумалась, сдвинув мышцы лба к переносице. Я взял её руку в свою.

– Сейчас звякнешь куда надо, и полетим обратно. Может быть, к утру успеем.

Она благодарно улыбнулась.

– Ещё годик безвылазно поживу на Земле, и меня оттуда уже в космос не выгонишь. Тяжела стала на подъём.

– Это ты тяжела? Ты собралась лететь за одну секунду. Вот мне эта идея с трудом далась. Я же домосед. Э-эх, как давно я не сидел за компьютером, не рубился в игрушки.

Я вдруг вспомнил, что после рождения сына как-то автоматически отвык от игр, которые занимали в моей жизни приличную часть времени. Иногда я жертвовал Айрис, чтобы пострелять в виртуальных врагов, а став отцом, вроде как перешёл на другой уровень, в стопроцентный реал.

Судно снова затрясло, защёлкали реле, запрыгало антигравитационное поле, будто не могло определиться, включаться ему или нет. Я с тревогой посмотрел на Айрис. Она пожала плечами.

– Посадка будет жёсткой! – выкрикнул мужчина. – Сядьте

удобнее, включая компенсацию.

Меня придавило к спинке выскочившими из неё и сиденья тугими пластинами. Кресло обволокло белым ореолом защитного поля, спасающего при разгерметизации. Зашипел кислород, мгновенно вызвавший эйфорию. Судно ударилось и поскакало с диким грохотом. Со стен срывалось всё, что плохо держалось, смешиваясь с тем, что было не прикручено. Мне несколько раз прилетело в кресло, но до тела не достало. Я следил за Айрис, переживая за неё гораздо больше, чем за себя. Ей тоже пока везло. Детали интерьера пролетали мимо её кресла.

Наконец мы остановились. Пространство судна наполнилось свистом выходящего наружу воздуха. Я был уверен, что мы сели на Луну, а не вернулись на Землю. Хотя последнему я был бы рад намного больше.

– Ты как? – спросил я у Айрис.

– Цела. А ты? – Её голос заглушало защитное поле и резко сокращающееся количество воздуха.

– Норм.

Я не знал, что делать дальше, напротив, старался не шевелиться, чтобы ненароком не отключить защитное поле. Пока оно позволяло поддерживать внутри нормальное атмосферное давление. Пилоты почему-то не показывались, и я смутно предполагал, что у них дела могут обстоять хуже наших.

Прошло несколько минут. Шипение почти затихло. Стены корабля начали покрываться белёсым налётом инея.

– Слетали позвонить, – произнёс я в сердцах.

Айрис прочитала мою реплику по губам. Звук уже не передавался из-за слишком разреженной атмосферы.

– Нас спасут. Потерпи немного.

Я тоже прочитал её отчётливую артикуляцию и согласно покивал. Нам больше ничего не оставалось, кроме ожидания. Отвернувшись от супруги, я собрал все маты, которые знал, проклял метаклианцев с их маяками, свою везучесть, характер Айрис, которой всегда надо было совершать добрые дела, жертвуя собой. Какая удача – околеть на поверхности Луны, так и не добравшись до космического телефона. А что я хотел, что за нелегалами вылетит VIP-такси и доставит с неземным уровнем комфорта? Техника по статусу, вот и не долетела чуть-чуть.

Обернулся и наткнулся на понимающий взгляд супруги. Она грустно улыбнулась. Я бы даже сказал, обречённо. Видимо, поздно поняла, что дала маху с желанием спасти мир. Мне стало её жаль. Ведь у неё только началась настоящая жизнь. Она кое-как сбросила с себя искусственную скорлупу подростковых представлений и убеждений, отдалась супружеству и материнству, раскрывшись как настоящая женщина, и вот такой финал. Оказалось, что женская слабость заставляет меня соображать намного активнее, чем проявление женской силы.

Я огляделся, предположив, что на этом судне должен быть предусмотрен какой-нибудь вариант спасения, не толь-

ко кресла с защитным полем. Однако в воцарившемся бардаке сложно было найти подсказку. Пришлось напрягать аудиторскую модификацию, чтобы она посчитала всё и вся и вычленила из хаоса только полезные вещи. Я сопоставил внешние размеры судна и его конфигурацию с отсеком, в котором мы находились. Определил, что мы располагались в центре и на несколько метров выше уровня пола. То есть под нами были ещё какие-то помещения. Возможно, там находилось машинное отделение, но могли быть и технические, типа багажных. Судно явно использовалось для всяких нелегальных дел и обязательно должно было перевозить какую-нибудь контрабанду.

Над нами тоже имелся запас пространства. Думаю, пилоты этого древнего гроба сейчас находились в отсеках над нами и думали, что делать с нами, вернее нашими телами. Ждали, когда мы наверняка погибнем, после чего можно избавиться от тел и позвать аварийную команду для эвакуации своей посуды. При таком раскладе надеяться на помощь извне не приходилось. Стало быть, путь был только вниз — узнать и попробовать воспользоваться тем, что удастся найти.

Я посмотрел на Айрис, думая, что ей тоже удалось что-нибудь придумать. Она повела глазами вниз, чтобы я тоже туда посмотрел. На полу из груды вещей выглядывал неприметный уголок задравшегося пластика покрытия пола. Её аудитор, похоже, пришёл к тем же выводам, что и мой. Деформа-

ция судна от удара вскрыла перегородку между нашим и находящимся под нами помещением. Хотелось верить, что вне защитного кокона я не умру мгновенно. У меня было такое представление о воздействии разреженной атмосферы. Но тут мне вспомнился печальный опыт краснокожего управляющего закуской, которого выбросили в космос, и он провёл там долгое время, и ничего, не умер. Я, конечно, был одет не по сезону, в спортивных штанах и майке. Хорошая зимняя курточка пригодилась бы сейчас намного лучше.

Мне надо было освободиться от сжимающих тело пластин. Осмотрел кресло и увидел на боковой стороне сиденья две кнопки, прикрытые прозрачной крышкой, защитой от случайного нажатия. Предназначение одной кнопки мне было очевидно – освобождение от уз, а вот для чего нужна была вторая, я не понял. Возможно катапульта. Какая из них выполняла нужную роль я определить не смог из-за невозможности нормально согнуться и посмотреть.

– Красную, – прочитал я по губам Айрис.

– Красную? – переспросил я у неё.

– Красную не надо, – завертела она головой.

– Понял. – Я скосил глаза, чтобы в сумраке не ошибиться с цветом кнопок.

Красную от зелёной я смог отличить. Набрал ртом воздуха и нажал. Путы снова спрятались внутрь сиденья, но и защитный кокон исчез, стихло шипение кислорода. Руки и лицо обожгло морозом. Кровь прилила к коже, будто меня от

пяток до макушки покрыли медицинскими банками. Я бросился к вскрытому полу. Сдвинул мусор в стороны и оказался у небольшого проёма, в который с трудом помещался. Однако выбор у меня был небольшим, надо было лезть.

Проскользнул ногами вниз и упёрся во что-то. Хорошо, что не пришлось прыгать, иначе я переживал бы за возвращение. Пролез плечами в дыру, встретившись перед тем, как полностью провалиться вниз, со взглядом Айрис. Как хорошо я знал его. Это выражение неловкости за то, что затащила меня в очередную переделку, самобичевание и переживание. Мне захотелось сыграть для жены, и я повторил сценку из второго «Терминатора», погружаясь под пол. Последней исчезла моя рука с выставленным большим пальцем.

У меня было совсем мало времени, чтобы разведать, что здесь имелось полезного. Оказывается, я стоял на крыше небольшого трёхосного вездехода, тоже выдавшего виды. У него имелаась небольшая двухместная кабина и багажный отсек куба на два. Надпись на борту гласила: «Геологоразведка минеральных месторождений». Я обошёл машину, чтобы понять, как в неё попасть. Очень хотел, чтобы это было реализовано просто. Ручек и дверей я не увидел. Пришлось прикасаться к ледяному металлу руками, начинающими скрючиваться от холода. Бесполезно. Мне казалось, что кабина вездехода монолитна. Это нормально для техники, работающей в вакууме, но какой-то способ попасть внутрь всё равно должен был существовать.

Я нарезал три круга, пока не увидел надпись между первым и вторым колесом. «Открытие кабины происходит только после откачки воздуха. Для открытия выдвиньте рычаг и надавите ногой». Негнувшись пальцами, с признаками начинающейся гипоксии, я кое-как нащупал обжигающе-холодный рычаг, вытянул его и запрыгнул обеими ногами, решив, что с лунной гравитацией моего веса может не хватить. Внутри вездехода что-то началось. Через несколько секунд кабина поднялась и опустилась вперёд, как на бескапотном тягаче.

Я запрыгнул внутрь и зашарил взглядом в поисках рычага или кнопки, ответственной за закрытие кабины. Она обязательно должна быть на самом видном месте. У меня ушло несколько секунд. Я просто давил на всё подряд, пока не сообразил просто потянуть на себя кабину. На ней и ручка удобная была для этого. Кабина встала на место, и тут же зашипел тёплый воздух, наполняющий её и приятно обволакивающий обожжённую холодом кожу. Я сделал глубокий вдох и откинулся на сиденье. Просто замечательно, что они не сделали кожаный салон. Ткань подо мной быстро нагрелась.

Температура внутри быстро стала комфортной, даже избыточно. Меня сразу потянуло в сон. Клянусь, если бы я чуть-чуть расслабился, то отрубился бы мгновенно. Теперь надо было спасать любимую супругу. Выбираться в ледяное нутро судна в майке мне не хотелось. К счастью, за каждым

сиденьем висел комбинезон. Я снял его с вешалки и кое-как втиснулся внутрь. Здесь было тесно для этого. Подкладка спецодежды казалась мягкой и тёплой. Жаль, что не было никакой автономной системы дыхания.

Для открытия кабины пришлось снова найти рычаг. Этот был почти такой же, только под сиденьем. Его надо было вытащить и надавить ногой. Но прежде, чем это сделать, я снова набрал полные лёгкие. Насосы откачали воздух, опять заставив мою кожу покраснеть от подступившей крови. Я выскочил, едва появилась достаточная щель. Запрыгнул на вездеход и высунулся в проём в полу. Зарёванная Айрис, увидев меня живым и здоровым, просияла. Я попросил жестами нажать на кнопку. Она набрала воздух в лёгкие и нажала. Как только кресло её освободило, соскочила с него, чуть не упав из-за низкой гравитации, и в несколько шагов оказалась у дыры.

Я отошёл в сторону и помог ей спуститься. Показал на салон открытой кабины. Ничего больше объяснять было не надо. Она одним прыжком приземлилась в кресло. Я упал рядом с ней и закрыл кабину. Салон наполнился воздухом. Мы оба выдохнули и жадно вдохнули свежий воздух. Айрис упала мне на плечо и разрыдалась вперемешку со смехом.

– Я уже почувствовала себя вдовой. – Она подняла ко мне зарёванное лицо. – Какой ты молодец.

– А не надо хоронить меня раньше времени. Зацени, какой я нам луноход раздобыл. Огонь машина.

– Хороший. Ты очень красный и опухший. Обморозил-ся? – Айрис дотронулась до моего лица.

Я рефлекторно отстранился. Кожа неприятно горела, как от солнечного ожога.

– Больно. Вождь краснорожих. Без капсулы, как без рук. Привык уже рисковать без последствий.

– Ничего, вернёмся и сразу отправим тебя в капсулу, – успокоила она меня.

– А тебе не показалось, что мужики решили от нас избавиться, чтобы спасательная команда не задавала лишних вопросов? – спросил я Айрис.

– Вероятно, только если они сами не погибли.

– Надо валить отсюда скорее, пока они не решили проверить наше состояние.

Я попытался разобраться с устройством управления луноходом. Вместо руля у него имелся джойстик под правую руку. Однако на мои прикосновения к нему аппарат никак не реагировал. Айрис тоже занялась изучением матчасти и буквально через несколько секунд нашла на панели ничем не выделяющееся место, на которое надавила пальцем. Панель осветилась огнями. Почти бесшумно заработал электродвигатель.

– Требуется прогрев узлов, – Айрис ткнула в график на экране, светящийся синей полосой с отрицательными значениями температур.

– Прогреем. Всё равно мы пока не знаем, куда ехать. Пульт

от дверей где искать?

– Логически он должен быть внутри этой машины. – Она оглядела салон и заметила над лобовым стеклом коробочку с антенной. – Похоже, это то, что нам надо. – Она придавила коробочку.

Её корпус оказался полупрозрачным. Под ним загорелась зелёная лампочка. На экране появилась надпись: «Проверка узлов. Откачка воздуха». Затем почти сразу появилась вторая надпись. «Давление выровнено. Открывание». Мы ждали, что внутрь ударит яркий солнечный свет, но этого не случилось. Снаружи царила полная безвоздушная тьма, только свет ярких звёзд обозначил открывшийся проём. Внезапно на экране появилась другая надпись: «Аварийное состояние узлов шлюза. Закрывание».

– Гони! – выкрикнула Айрис.

Створки пошли навстречу друг другу. Я надавил джойстик вперёд. Повинуясь приказу, луноход покатился вперёд. Не так чтобы резво. Перебираясь через горы мусора приспособленным для бездорожья шасси, мы выкатились на лунный грунт. Двери успели прищемить заднюю часть вездехода, но без последствий.

Повреждённый корабль зарылся в грунт, оставив за собой длинный ров. С виду он выглядел почти целым. Над верхней частью мигал аварийный огонёк.

– Может, зря мы сбежали? – Меня начали терзать сомнения. – Вдруг парни нуждались в помощи?

– Давай вернёмся, – предложила Айрис, забираясь внутрь второго комбинезона. – Только как?

Неожиданно в наш луноход упёрся яркий луч света, идущий со стороны корабля.

– Вы украли наш грузовик. Верните его на место или мы будем вынуждены сообщить о вас тем, кому будет особенно интересно. – На экране появилось лицо одного из наших «таксистов».

– Мы были вынуждены это сделать, потому что никто не пришёл нам на помощь, – ответила Айрис. – Вы ведь ждали, когда мы дадим дуба, чтобы выбросить нас и не светить перед спасателями. Мы вам больше не верим, а грузовик временно изымаем, пока не окажемся в безопасной ситуации.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил я их. – Ваша подлость компенсировала её. Надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

– Придурки, заряда в нём не хватит ни до одного жилого комплекса, – раздался голос из динамиков.

Я отключил экран и посмотрел на Айрис.

– Интересно, они ввали насчёт заряда или нет?

Глава 4

– Да, небогато с придорожными заведениями на Луне. – Я окинул взглядом унылую поверхность спутника Земли. – Интересно, в этом аппарате вообще предусмотрена нормальная радиосвязь?

Мы с Айрис попытались самостоятельно дозвониться до любого объекта на Луне, но бесполезно, выходили только на пилотов разбившегося корабля. Они злорадствовали и запугивали нас, обещая медленную смерть от холода.

– Стыдно за бывших землян, – признался я. – С такими возможностями всё равно остаются мелочными и меркантильными.

– Потому и не прошли отбор. Если бы мы потерпели бедствие рядом с моей станцией, то уже давно оказались бы спасёнными. Система воспитывает занудных, но добродушных людей.

– Особенно, когда дело касается балльной оценки их общественной деятельности.

– Не без этого. Она уже выросла в их мировосприятие и кажется неотъемлемой частью жизни. Совершил поступок, получи оценку. Дисциплинирует. А вот эта часть человечества, что осталась вне системы, она, по сути, не изменилась. Они те же земляне, только технологически развитее.

– И это не совсем их заслуга, – уточнил я.

– Да, не совсем. Они как дикари с телефоном. Научились обращаться, но производить ума не хватает.

Из-за горизонта показался край солнечного диска. Глазам стало нестерпимо ярко, даже пришлось повернуть луноход в обратную сторону, чтобы найти, как поставить светофильтры на стёкла. Пришлось снова включить экран, рискуя нарваться на злопахующих «таксистов» и поискать в нём настройки. Пока я вёл, Айрис внимательно изучала меню.

– Тут есть функция включения аварийного сигнала, но она не активна. Эти упыри выключили её, чтобы мы не воспользовались, – предположила она.

– Не удивлюсь, если они сделали это давно, потому что аппарат краденый. Нашла светофильтры? Иначе я начну чихать.

– Да чихай, сколько влезет. Когда ты ещё почишаешь на Луне?

– Ага, чихал я на вашу Лу... ну, апчхи! – я чихнул на самом деле, даже в ушах зазвенело.

– Так, вот, кажется, нашла. – Айрис ткнула в экран. Стёкла сделались почти чёрными, пропуская меньше пяти процентов света, как это было указано в настройках. Вместо всей поверхности передо мной теперь сияли только склоны, освещённые солнцем.

– Делай светлее, пока селенитский инспектор не выписал нам штраф за тонировку. – Мне совершенно не было видно, куда ехать. В темноте можно наскочить на какой-нибудь

приличный камень, прячущийся в тени.

– Мне кажется, здесь только два режима, включить фильтр и выключить. – Айрис потыкала пальцем в экран. – Примитив.

– Значит, должен быть радар или прибор какой-нибудь, типа ночного видения.

– Я ищу.

Как и предполагал, мы наскочили на валун одной стороной вездехода и прилично подпрыгнули.

– Ищу, ищу, – ответила Айрис на мой укоризненный взгляд.

Она прошлась по всему меню, но не нашла ничего похожего на ассистента движения в условиях плохой видимости.

– Может быть, эта функция включается обычными кнопками? – Она зашарила руками по панели.

– Осторожнее, не нажми катапульту, – попросил я.

– Нет, и здесь нет ничего похожего. Выходит, они ездят по Луне наудачу или только ночью. Или по компасу и азимутам.

– На Луне нет магнитного поля, компас отпадает. Думаю, они вообще не ездят днём. Жулики любят работать ночью.

Что-то пискнуло внутри приборной панели. Я сразу бросил взгляд на шкалу зарядки аккумуляторов. Паниковать было рано. Заряда больше половины. Писк повторился. Мы с Айрис переглянулись.

– Колесо спустило? – предположил я в шутку.

– Что бы это ни было, но звучит как предупреждение. –

Айрис снова полезла в меню, искать причину сигнала.

Я же сконцентрировался на дороге, выбрав в качестве ориентира прореху между двух холмов. Писк раздался снова и стал повторяться, учащаясь. Впору было останавливаться, пока не случилась какая-нибудь поломка.

– Давай поднимемся на тот холм и оглядимся, – предложил я Айрис.

– Это не холм, это отвал кратера, просто так выглядит отсюда. Интересно, реально здесь дожждаться ночи? – Она оценивающе посмотрела на край солнечного диска, поднявшийся совсем чуть-чуть за час с лишним поездки.

– Если мне не изменяет память, это две земных недели, – вспомнил я кое-какие факты из своего кругозора.

– Чё-о-о-орт! Давай, правь к этому гребню.

Я двинул джойстиком. Луноход послушно изменил направление. Однако писк участился. Меня это немного пугало, будто я играл в «Сапёра», только на настоящем минном поле.

– Наша машина, Гордей, и то намного умнее этой рухляди. – Айрис взволнованно прислушивалась к писку.

Вдруг перед нами протянулась длинная тонкая полоса света, буквально в ста метрах впереди. Её выхватило из тьмы поднявшееся над горизонтом солнце.

– Это похоже на...

– Обрыв, – закончила мою мысль Айрис. – Тормози!

Я дёрнул джойстик на себя, но вездеход не послушался

команды, понёсся вперёд, как с горы, подпрыгнул несколько раз и полетел. Нас кидало по салону. Мы с Айрис ударились несколько раз друг о друга, о панель, потолок и кресла. К счастью, невысокая гравитация способствовала тому, что удары не были опасными. Луноход ударился в последний раз, заскрежетал верхней частью кабины как по щебню и вскоре остановился.

– Мы свалились в расщелину, – озвучила Айрис то, что и так было мне ясно. Тьма снаружи была абсолютной. А мы лежали на потолке.

– Приехали, – произнёс я трагическим тоном, пытаюсь приподняться. – Ты как?

– Без повреждений. А ты?

– Вроде тоже. Отключай фильтр, может станет лучше видно?

– Вряд ли. Сюда солнце не попадает.

– Попробовать надо.

Айрис с охами и вздохами нашла удобное положение и снова полезла в меню. Отключила фильтр. Ничего не поменялось. Затем она нашла включение внутренней подсветки. Яркий свет ударил по глазам. Я посмотрел на супругу. У неё красовался фингал под правым глазом и была рассечена кожа на левой скуле. У меня, как оказалось, носом пошла кровь, а я этого не чувствовал, будучи в лёгком шоке. Мы занялись друг другом, утирая кровь.

– Что будем делать? – спросил я у Айрис, надеясь, что её

смекалка поможет найти способ дать знать о себе.

– Пока не знаю. Было бы здорово, чтобы существовала какая-нибудь служба, мониторящая поверхность спутника, которая увидит следы от лунохода, заканчивающиеся в расщелине. Только это весьма малый шанс на спасение.

– Выбраться отсюда мы не сможем, придётся сидеть и ждать, – заключил я печально. – А тут ни туалета, ни еды.

– Гордей, держи хвост бодрей. – Айрис протянула пятерню, чтобы ухватить меня за повреждённый нос.

Я успел увернуться.

– Не трогай его, только кровь остановилась.

– Прости. Не расклеивайся. Не в первый раз же.

– И не в последний, смею тебя заверить.

– Звучит оптимистично, хотя похоже на намёк, что все проблемы в нашей жизни происходят благодаря мне.

– Вот такого размера проблемы, как сейчас, как правило, да, это твоя заслуга.

– Какая личность, такие и проблемы. У маленьких людей и проблемки маленькие, – Айрис записклявила, чтобы красноречивее изобразить маленького человечка, которым, видимо, являлся я.

– Мне просто для счастья многого не надо.

– Ладно, прости. Ты точно не виноват, в том, что мы сюда свалились, хоть и рулил этой штукой.

– И ты меня прости, не время собачиться. Выберемся, поскандалим как следует, с мордобитием, как во всех нормаль-

ных семьях.

– У тебя нет шансов, однорукий бандит, – усмехнулась Айрис с чувством явного превосходства.

– Да я тебя одной левой.

– Правильнее сказать, без меня ты одной левой.

– Зараза. – Айрис умела морально пикироваться и одерживала надо мной верх. – Ой, кажется, мамин ужин переработался и просится наружу, – сделал я испуганные глаза.

– Гордей, нет. У нас слишком маленькое помещение, чтобы справлять нужду.

– Ладно, я пошутил. Давай уже, включай мысль, продемонстрируй нам преимущество генетического отбора.

– А ты не мешай мне думать.

– Хорошо, я буду молчать.

В салоне лунохода повисла почти гробовая тишина. Слышно было только электродвигатель, работающий над нашей головой. Луняне, похоже, ленились менять подшипники. Айрис закрыла глаза и смотрела в одну точку, как йог на медитации.

От нечего делать я решил развлечь себя изучением органов управления луноходом. Было бы здорово, если б на кнопках имелись подписи, а не символы, которые мне ни о чём не говорили. Я нажал парочку подозрительных, на панели загорелись дополнительные лампочки, но ничего заметного не произошло. Иногда раздавался писк, но я был уверен, что внедорожник пытался так предупредить нас о своём

необычном положении вверх колёсами. Исследуя кнопки, я ударился о джойстик управления. Машина дёрнулась из-за инерции повернувшихся колёс. Я повертел его ещё несколько раз, и машина начала раскачиваться на покатой крыше.

– Ого, я точно так же из сугроба выбирался.

Мне показалось, что враскачку я смогу задать такую амплитуду, что машина встанет на борт, а дальше мы с Айрис попробуем навалиться на одну сторону и поставить её на колёса. Я вращал колёсами целую минуту, но амплитуда не увеличивалась. Ещё через минуту понял, что этот способ нам не годится.

– Продолжай думать, – посоветовал я Айрис, отвлëкшейся на мои эксперименты.

Неожиданно я увидел на рукоятке джойстика крышку, скрывающую под собой несколько кнопок. Она так незаметно сливалась с корпусом, что не ощущалась пальцами. Я откинул её и внимательно изучил символы на кнопках, подсвечивая телефоном. На одной был нанесён рисунок, изображающий солнечный круг с лучами. Я решил, что это либо раскрытие солнечных батарей, либо подсветка салона. Нажал, не предупредив Айрис. Яркий свет ударил перед лобовым стеклом. Оказывается, здесь были обыкновенные фары, как у обычного земного автомобиля, а мы искали каких-то необыкновенных технологических новшеств.

Свет сам по себе нам уже не был особенно нужен. Он никак не решал проблему перевёрнутого транспорта и не

помогал выбраться из расщелины. Однако он открыл одну необычную вещь, выхватив из темноты встроенную в стену огромную дверь с барельефными рисунками, напоминающими те, что мы уже видели внутри лунных помещений, оставшихся от древних исчезнувших цивилизаций.

– Ни себе хрена! – Я уткнулся в стекло вездехода, заворожённый необычным артефактом. – Вот это размерчики.

– Как ты включил свет?

– Тут кнопка на джойстике. Ты её не заметила.

– Может, потому, что кто-то держал его в руке?

– Может. Здесь ещё две.

– Дай гляну. – Айрис вырвала у меня из рук телефон и осветила им рукоять джойстика. Она сразу полезла их нажимать.

– Осторожнее!

Поздно, уже нажала. В недрах вездехода что-то зашумело и зашевелилось.

– Катапультируемся прямо в землю, – выдавил я со страхом.

На экране панели загорелся контур вездехода, перевёрнутый вверх ногами и значение его положения относительно горизонтальной нормали в градусах. Значение было отрицательным. Нам не было видно, что происходило в стороне багажника. Громко зашумел оборотами старого подшипника мотор, корпус дрогнул и начал переворачиваться. Машина встала набок, замерла, а через несколько секунд продолжила

движение и мягко приземлилась на колёса.

Я выдохнул, поняв, что во время процесса переворачивания не дышал.

– Что это было? – спросил я у Айрис.

– Манипулятор. Им пользуются для сбора минералов и в качестве домкрата, как в нашем случае.

– Ты поняла это по символу на кнопке?

– Нет, прочитала на экране, когда он включился.

– Молодец, что дальше?

– Не придумала ещё.

Я посмотрел на гигантскую дверь.

– Интересно, у этих людей всё было так просто. Может, они и ручки делали снаружи для открывания двери?

Мне захотелось подъехать чуть ближе. Двинул джойстик, но машина не тронулась с места, зато перед ней махнул своим щупальцем манипулятор.

– При зажатой кнопке джойстик становится органом управления манипулятором, – пояснила мне Айрис.

– Ясно. – Я ещё раз нажал кнопку и подъехал к двери на расстояние пяти метров. – Ведь в таких условиях, при постоянной температуре и отсутствии воздуха, устройства должны сохраняться тысячелетиями. А эти парни умели строить на века. Наверняка эта дверь ещё в рабочем состоянии.

Я снова зажал кнопку управления манипулятором и дотронулся им до выпуклости, которая могла оказаться устройством, запускающим открытие двери. Дверь не шелохнулась.

Потрогал манипулятором другие подходящие места, но тоже бесполезно. Тогда мы с Айрис решили изучить барельеф, предположив, что он содержит в себе необходимую информацию.

На двери были изображены гиганты с палочками в руках, похожими на царские державы. Лианы, образующие над головами гигантов ореол из сплетений. Ромбы над всей композицией с расходящимися лучами. Между гигантами были изображены выпуклые столбы, испещрённые символами, а между столбами будто бы дорога, сужающаяся к горизонту, выложенная плиткой. Дорога оканчивалась тоннелем, над которым «светился» маленький ромб и висел диск летательного аппарата.

– Какие-то шумерские мифы, которые мне ни о чём не говорят. Вряд ли это поможет нам открыть дверь. Всё равно что стоять перед домофоном в нашем доме и пытаться открыть его, без смысла нажимая кнопки, – решил я.

– Разница в том, что эти гиганты не пытались ни от кого закрыться. Здесь нет кода, просто нужно понять, как она работает. Нажатием или наоборот, надо потянуть на себя.

– Или приподнять.

– Вряд ли.

– Тогда сдвинуть вбок, как все те двери, которые были внутри лунных станций. Помнишь?

– Хм, ещё бы не помнить. Пока вы лежали в криосне, мне пришлось побегать по станции. Да, это идея. Сможешь её

сдвинуть?

– Попробую.

Я включил манипулятор и, неловко орудуя им, попытался, упёршись в выпуклую задницу гиганта, сдвинуть дверь вправо. Она не поддавалась. Попробовал влево. Тоже бесполезно.

– Надави и толкни, – предложила Айрис.

Манипулятор упёрся в дверь. Ему могло не хватить силёнок сдвинуть её. Я переключил управление на шасси вездехода и помог аппарату всеми шестью колёсами. О чудо, дверь поддалась. Огромная плита чуть заметно подалась назад. Я снова переключился на управление манипулятором и попытался сдвинуть её в сторону. К удивлению, она с лёгкостью откликнулась на усилия. Перед нами открылось тёмное нутро чужеземного помещения.

Мы закатились внутрь и покрутились на месте, освещая его фарами лунохода. Помещение напоминало ангар размером с футбольное поле. Пол выглядел ровным и монолитным, покрытым тонким слоем пыли, на которой оставались следы от вездехода. Пыль могла копиться здесь веками и, судя по её нетронутости, мы были первыми, кто её потревожил.

Мы проехали по периметру помещения в поисках другого выхода, ведущего, как нам хотелось надеяться, внутрь подземного или подлунного города. Основатели его просто обожали расписывать стены, из-за чего нам, землянам, привыкшим к простоте, легко было не заметить дверь. Мы с Айрис

и не спешили. Нас одинаково взбудоражил артефакт древней цивилизации, отчего хотелось поколесить по нему, как по какому-нибудь Лувру или Эрмитажу, внимательно приглядываясь к отдельным необычным экспозициям.

Вот каменные гиганты жарили или просто держали над огнём шар. Возможно, они играли в футбол или волейбол горячим мячом, добавляя игре большей пикантности. Мы замерли у экспозиции, на которой любимый ромб древних, вращаясь по спирали, распадался на два одинаковых треугольника. Они стояли рядом, а между ними светило солнце.

– Похоже на пирамиды, – заметил я.

– По возрасту сходится. Эта цивилизация исчезла пять тысяч лет назад, будто разом перешла в другое пространство.

– Могли бы записку оставить, чтобы мы не гадали, какие из сохранившихся объектов их рук дело.

– Нужны мы им. У них теперь другие заботы, на новом уровне. Наши так называемые высшие расы на их фоне – микробы на начальном пути эволюции.

– Интересно, а маяки не их рук дело? – Сравнение с микробами навело меня на эту мысль.

– Нет. Те, кто их строил, имеют совершенно нечеловеческий вид. Я же тебе говорила, что они похожи на гигантские картошки, по которым ползают симбиоты, управляемые мыслью метаклианцев. Это довольно редкий тип разумной жизни, потому он и к нам относится с непониманием.

– Я просто подумал, что если и те и другие живут в дру-

гом пространстве, то не могли бы мы выйти на этих древних, чтобы они вразумили твоих метаклианцев демонтировать маяк?

– Ты хочешь простую проблему сделать невыполнимо сложной? – усмехнулась Айрис.

– Если эта проблема, в которой мы оказались, является простой, то нет.

– Смотри, вон там, – Айрис указала на оплетённый виноградной лозой свод, – арка, похожая на дверь. Надо проверить.

– Раз надо, значит надо.

Я уже прилично освоился с управлением лунохода, изящно подкатил и упёрся манипулятором в дверь. Айрис оказалась права, это была она. Дверь мягко подалась вглубь и так же легко, будто и не было пяти тысяч лет простоя, отъехала в сторону. Проход был достаточно широким, чтобы заехать в него. Как только мы оказались внутри коридора, за нами закрылась дверь и включился свет. Освещение было похоже на ионизацию воздуха, источников света мы не увидели. И самое удивительное, раздался шум, похожий на шипение воздуха. По стенам потёк конденсирующийся туман, собирающийся на полу полуметровым слоем.

Айрис полезла в панель управления луноходом и вывела на экран цифры, показывающие плотность воздуха, состав и его температуру. Это была почти земная смесь, с повышенным до двадцати пяти процентов содержанием кислорода.

Температура была около минус тридцати градусов, но быстро росла. Плотность воздуха тоже была ниже земной, но её значение увеличивалось.

– Поздравляю, Гордей, по крайней мере, мы здесь не умрём от гипоксии. – Айрис хлопнула меня по плечу.

– Спасибо, всегда мечтал умереть от голода внутри египетской пирамиды.

– Не о смерти надо думать, а радоваться, что продлил жизнь. Думаешь, древние питались святым духом?

– Не думаю, что у какой-нибудь еды есть срок годности в пять тысяч лет. Если только она сама не занимается поиском пропитания.

– Типа долбодятлов?

– Вдруг у этих гигантов и куры были как вымершие моа? Склюют нас, как червячков.

– На Луне они могли сохраниться только в виде тушек, приготовленных к употреблению. И вообще, прости меня и давай наслаждаться ситуацией. – Айрис посмотрела на меня своим пронзительно-миролюбивым взглядом, который было кощунственно проигнорировать.

– Ладно. – Я внутренне освободился от раздражения на супругу. – Давай наслаждаться.

Стены коридора были в меньшей степени испещрены барельефами, чем огромный ангар. Поэтому мы запросто смогли различить на них выделяющиеся тёмным контуром двери. Температура забортного воздуха поднялась выше нуля.

Давление почти сравнялось с тем, которое было внутри лунохода. Однако мы не решились выбраться наружу и начать исследовать артефакт пешком. Боялись, что за закрытыми дверями царит консервирующий вакуум и холод.

Двери в коридоре открывались иначе, чем те, что были встречены нами раньше. Рядом с каждой имелась большая кнопка, активирующая механизм открытия. Рядом с ней была нанесена барельефная клинопись, расположенная вертикально. Возможно, инструкция или какой-то заговор на долгую работу. Манипулятор упёрся в кнопку. Дверь сама утопилась и отъехала в сторону. Внутри открывшегося помещения медленно разгорелся ионизированный свет.

Вездеход не вмещался в проём. Надо было решить, стоит ли риск нашего любопытства или нет.

– Набери воздуха и не дыши, а я буду дышать, – произнесла деловым тоном Айрис. – Открывай кабину и смотри, если я потеряю сознание, закрывай.

– Может, лучше я буду дышать?

– Какая разница, мы что, неравноценны?

– Я джентльмен.

– Поэтому ты и должен уступить даме, – нашлась Айрис.

– Ладно, только не дыши глубоко, вдруг тут яд или ещё какие-нибудь примеси. Неясно, чем дышали эти гиганты, что выросли до таких размеров.

– Готов?

Я набрал воздуха, раздув щёки и покивал головой.

– Открывай.

Кабина подалась моим усилиям. Слегка шикнул в щели воздух, уравновесив давление с внешним. Я смотрел на Айрис. Она дышала ровно, не вызывая подозрений.

– Дыши, – произнесла она. – Воздух затхлый, но вполне подходящий.

Я сделал вдох. Действительно, пахло древностью. Не могу иначе описать этот запах, но учуяв его, сразу становилось ясно, что попал внутрь древнего помещения. В коридоре было прохладнее, чем внутри лунохода, но комбинезон прекрасно защищал тело от холода. Мёрзли только уши.

Айрис выбралась наружу и чуть не упала.

– Осторожно, пол скользкий. Ещё не нагрелся.

Действительно, полы блестели, как свеженадраенный ка-ток. Я ступил на него и понял, что на коньках было бы проще.

– Погоди. – Я снова вернулся в салон и вынул из него газовый резак, похожий на огнетушитель. Я понял, что это за вещь, когда прочитал на нём надпись, сделанную на космо-лингве.

– Зачем он тебе? – не поняла моей задумки Айрис.

– Зацени.

Я включил и поджёг пламя пьезорозжигом. Кислород и пропан смешались в горелке и выдали струю синего пламени. Я направил её перед собой, расплавив лёд и мгновенно высушив покрытие пола. Наступил на сухое место и отбил несколько чечеточных движений.

– Гигант мысли, – оценила мою находчивость супруга.

– По льду аки посуху. Иди за мной, я приведу тебя в комнату обетованную.

Айрис рассмеялась. Она была сильной женщиной, но обожала, когда я показывал себя умнее, сильнее и находчивее её. Так ей было спокойнее жить.

Глава 5

По тому, как я совершенно не понимал предназначения обстановки комнаты, в которой мы оказались, можно было судить об уровне технологического различия, обусловленного, скорее всего, и отличающимся мировосприятием между нами и прошлой цивилизацией. Они точно ничего не знали о капитализме и ограниченном времени использования вещей. Вещи, составляющие интерьер комнаты и выполняющие какие-то функции, ставили меня и Айрис в тупик своим предназначением.

Гиганты обожали делать на века, будто не собирались ничего модернизировать. Каменные и композитные предметы обстановки казались на первый взгляд грубоватыми, излишне утилитарными, но при тщательном осмотре удивляли точностью, филигранностью обработки и гармонией формы.

– На хамам похоже, – заметил я, увидев несколько гладких прямоугольных плит, поставленных на каменные подставки со спиральной выточкой.

На ощупь плиты уже не казались обжигающе-ледяными. Я обнаглел, залез на одну из них и лёг на спину. Несмотря на жёсткую постель, я не почувствовал больших неудобств. Напротив, мне стало как-то уютно, будто я выпил рюмку водки после того, как сильно промёрз. По телу массирующей волной растеклось убаюкивающее тепло. Я хотел предложить

Айрис прилечь рядом, но тут мой взгляд наткнулся на светлый прямоугольник прямо надо мной. Он был похож на старый кинескопный телевизор, который плохо принимал сигнал. Сквозь муть проступало движение, похожее на колыхание крон деревьев на ветру.

– Айрис, – произнёс я и не узнал своего голоса. Он был как у пьяного. – Ты это видишь?

Она испуганно уставилась на меня, подбежала и бесцеремонно сдёрнула с каменной постели. Видение сразу пропало, как и ощущение благостного тепла.

– Зачем ты меня стащила? – завопил я, чувствуя себя так же, как алкоголик, у которого выдернули из рук бутылку.

– Ты стал прозрачным! – выкрикнула мне в лицо Айрис. – Я твой мозг увидела сквозь лицо.

– Он большой? – поинтересовался я.

– Не особо. На подпорках держится, чтобы не биться о стенки черепа.

– Я так и знал, что у меня маленький мозг. – Мне захотелось всплакнуть по этому поводу.

Айрис дала мне отрезвляющую пощёчину.

– Блин! Больно же! – ухватился я за горящую щёку. – Зачем ты меня ударила?

– А чего ты впал в нирвану? – Она изобразила моё блаженно-глупое лицо. – Никакой это не хамам.

– А на что это похоже?

– Не знаю и проверять не хочу.

– Ты сказала, что я стал прозрачным?

– Да. У тебя сквозь ладони просвечивали вены и кости, а сквозь голову даже мозг. Ты выглядел как на рентгене.

– Мне было так хорошо, словно я под действием наркоза.

– Я думаю, это операционная комната, а это хирургический стол. Просвечивающийся пациент намного удобнее для хирурга, чем непрозрачный. Да ещё и эйфория, похожая на наркоз.

– Осторожнее надо с оборудованием древних, – заключил я, испугавшись последствий своего неосмотрительного поступка. – Жаль, кота из деревни не взяли. Можно было бы досмотреть процесс до конца.

– Живодёр. Пошли отсюда. – Айрис направилась к выходу по нашим следам.

Я схватил резак и направился за ней следом. Мы снова оказались в коридоре. Прошли к другой двери и открыли её уже при помощи рук. При этом пришлось немного попрыгать до «выключателя», совсем как в детстве. Дверь утопилась в стену, затем уехала в сторону, открыв нам новое помещение с иным, но таким же непонятным простому смертному, интерьером. Мы вошли внутрь.

Воздух теплел и нам уже не нужен был резак. Пол стал влажным и не скользким. В воздухе пахло холодным деревенским предбанником, меловой побелкой и сыростью. Вдоль стен громоздились металлические конструкции из желтоватого металла, покрытого тонким слоем пыли, кото-

рая сейчас стекала вместе с влагой, образуя промытые, словно слезами по грязным щекам, чистые дорожки.

– Это мне напоминает мануфактуру, – заметил я. – Старинные станки непонятного предназначения. Тут точно руками ничего трогать не надо, оторвёт, обратно не приштопаешь.

– Я же изучала эти артефакты в школе, но тогда они мне казались такой скучной темой. Кажется, наши учёные предположили, что эти приборы излучали гармонические колебания, необходимые для настройки разума людей на единое информационное поле.

– Ваши учёные тоже особым воображением не отличаются. Вечно считают, что всё происходящее раньше обязательно должно быть примитивным и каким-то образом участвовать в ритуалах. Я бы назвал эти штуки генераторами мгновенного перехода.

– С чего ты взял? – удивилась Айрис.

– Тут так нарисовано. – Я показал ей на картинку, изображающую человека, от которого шла спиральная стрелка в пустое место в виде большой буквы «О», потом опять стрелка, закручивающаяся в другом направлении и упирающаяся в такого же человека. – Смотри, вот и обруч, похожий на «О». Они транспортировали себя через этот обруч, только неясно куда. Возможно, туда, где они сейчас находятся. Где-нибудь за стеной из других физических констант или особенного мировосприятия, или того и другого одновременно.

– Выдумщик, – засмеялась Айрис. – А если этот обруч был придуман для похудения? Думаешь, древние не любили перекусить на ночь?

– Если они смогли покинуть этот мир, не сокрушаясь о том, что оставили в нём, значит и в еде они были умеренны. Я представляю их себе святыми, которых заботило только состояние чистоты духовной составляющей.

– Как-то наивно, не находишь?

– А вот подумай, что сделали бы земляне, я имею в виду тех, кто сейчас проживает на материнской планете, с расой, становящейся разумной? Например, обезьяны вдруг начали бы строить дома и организовывать деревни.

– Не представляю. Я, наверное, до сих пор не изучила вас досконально.

– Да уничтожили бы их всех втихаря и засекретили, решив, что народ об этом не должен знать, иначе порядку конец.

– Жестоко.

– Но это так. А древние ушли, чтобы не мешать нам развиваться. Это очень благородно и характеризует их как мудрых и понимающих законы мироздания людей.

Я подошёл к кольцу, но не решился до него дотронуться. Заглянул в него с одной и с другой стороны. Ничего похожего на портал. Пыльный металл с клинописной гравировкой и рисунками, похожими на стадии развития клетки, только ромбической формы. Айрис вынула из кармана комбинезо-

на ключ и бросила его сквозь кольцо. Он пролетел без всяких препятствий и исчезновений. Упал на пол и загремел.

– Не работает твой портал.

– Они не хотели, чтобы за ними пришли те, кто не достоин, вот и обесточили.

Айрис подошла к кольцу и провела по нему краем ногтя. На металле остался след.

– Мягкий, похож на золото или сплав.

– Возможно, эти надписи делают его таким. – Я вспомнил лекцию инженера, катавшего нас по поверхности Луны во время экскурсии.

– Снять и забрать его на Землю в качестве сувенира и тренировки талии.

– Если это золото, он будет на Земле весить столько, что даже Апанасий надорвётся его вертеть и пальцы себе расплющит.

Айрис примерилась, будто собиралась сама пролезть внутри него.

– Может не надо? – Я испугался, что механизм телепортации активируется, как только почувствует живого человека.

– А что, если мы с его помощью сможем выбраться отсюда?

– А если это мясорубка древних? Они себе делали на ней фарш для пельменей. Смотри на эти спиральки, похоже на вращающийся шнек.

– Ерунда. Давай рискнём, нам с тобой терять особо нече-

го. Мы с тобой пропали, и никто не кинется нас искать.

– А если нас занесёт куда-нибудь в другую вселенную и распылит на атомы из-за несоответствия её законам?

– Ты любишь предполагать всякие негативные сценарии. Я на девяносто девять процентов уверена, что эта штука не работает, но ради одного процента стоит в этом убедиться и продолжить наши исследования. Ею пользовались до нас и вряд ли помышляли о том, чтобы сделать её смертельной.

Я задумался. В чём-то она была права. Мы застряли внутри лунной расщелины, в которую пять тысяч лет никому не хотелось заглянуть. С чего бы им заглядывать сейчас? Я был уверен, что выхода на поверхность к человеческому жилью мы всё равно не найдём. Иначе этот комплекс уже давно бы нашли и освоили.

– Вместе. Держась за руки, – так звучало моё согласие.

– Идёт. – Айрис дистанционно чмокнула меня.

Я положил газовый резак на стол, чтобы он не мешал нашему эксперименту. Взял Айрис за руку, и мы вместе подошли к кольцу по дорожке, которая была нанесена на полу. Одновременно подняли левую ногу и шагнули сквозь кольцо. Я специально не закрывал глаза, чтобы увидеть, если что-то начнётся. Ничего не началось. Мы перешагнули кольцо, и вышли с обратной стороны.

– Не работает или мы не разобрались, что это за устройство, – вздохнула Айрис. – Пошли дальше проверять, может, найдём их столовую. Я голодная, как наш Никас после хоро-

шего сна. — Она вздохнула ещё раз, только глубже и печальнее.

Я направился к столу за резакom и замер. Его там не было. Мне стало не по себе.

— Айрис, резак пропал, — указал я на стол трясущимся пальцем правой руки.

Она посмотрела на меня, как на полоумного. Слишком долго соображала, пока на лице не отразился испуг.

— Ты точно клал его сюда? — переспросила она, хотя с нашими улучшениями проверить мои слова была парой пустяков.

— Клад именно сюда, минуту назад. — Я огляделся. — Айрис, на полу нет наших следов.

Когда мы входили сюда, то на мокром грязном полу оставались следы от нашей обуви.

— Неужели эта дрянь работает? — Айрис приложила ладонь ко лбу и зажмурилась. — Гордей, нам надо пролезть через это кольцо обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.